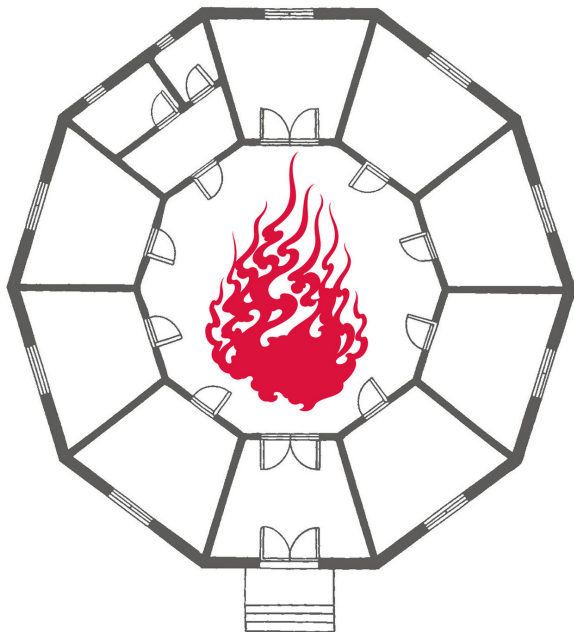


本 格 ЮКИТО АЯЦУДЗИ

УБИЙСТВА
В ДЕСЯТИУГОЛЬНОМ ДОМЕ



Юкито Аяцудзи

Убийства в десятиугольном доме

Серия «Хонкаку-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50670755
Убийства в десятиугольном доме: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-109162-0

Аннотация

**КНИГА ИЗ ТОП-10 ЛУЧШИХ ЯПОНСКИХ ДЕТЕКТИВОВ
ВСЕХ ВРЕМЕН**

**ПРОИЗВЕДЕНИЕ, СПРОВОЦИРОВАВШЕЕ МИРОВОЙ
БУМ ХОНКАКУ-ДЕТЕКТИВОВ**

Уединенный остров, где полгода назад произошло таинственное массовое убийство. Маленький клочок суши с вычурными зданиями – творениями странного хозяина этих мест, Сэйдзи Накамуры, среди прочих погибшего в той жестокой бойне. Поговаривают, его призрак до сих пор бродит там в темноте... Разве есть на свете более подходящее место для членов студенческого детективного клуба, обожающих такие тайны? Загадка, с которой им предстоит столкнуться, – вовсе не одна из кабинетных головоломок, к которым они привыкли: сами того не

зная, детективы– любители отняли кое– что дорогое у покойного Накамуры, и теперь некто жаждет возмездия...

В соответствии с канонами жанра хонкаку мы с самого начала знаем, что этим персонажам суждено умереть. И по ходу действия узнаем все, что поможет нам на равных соревноваться в отчаянных поисках убийцы с его будущими жертвами. И с невероятным детективом, чье имя – Киёси Симада...

Юкито Аяцудзи – первый и любимый ученик «Бога загадки» Содзи Симады, гения современного японского логического детектива– хонкаку. Вот что написал Симада про своего протеже: «Конец забвению хонкаку я пытался положить собственными скромными усилиями, романами “Токийский Зодиак” и “Дом кривых стен”. Лед слегка тронулся, но, к сожалению, не сразу получилось обрести достойных последователей в этом деле. И вот в 1987 году писатель– детективщик, которого я так ждал, явился. Я сразу почувствовал важность творчества Аяцудзи, поэтому всеми силами поддержал его дебют». Как и его сэнсей, Аяцудзи – икона жанра хонкаку. Он один из самых заметных участников легендарного студенческого детективного клуба в Киото и и отец–основатель Японского клуба авторов хонкаку. Обладатель премии Mystery Writers of Japan Award.

Содержание

Эксперимент под названием «Убийства в десятиугольном доме»	7
Пролог	16
Глава 1	21
Глава 2	70
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Юкито Аяцудзи Убийства

В десятиугольном доме

Yukito Ayatsuji

JUKKAKUKAN NO SATSUJIN

Jukkakukan no Satsujin <Shinsou Kaiteiban> © 2007 Yukito Ayatsuji.

All rights reserved.

First published in 1987 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo.

Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© 2007 Yukito Ayatsuji. All rights reserved. First published in 1987 in Japan by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© Логачев С. И., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Всем

моим

уважаемым

предшественникам посвящая

Эксперимент под названием «Убийства в десятиугольном доме» (предисловие к американскому изданию 2015 г.)

В мире японской остросюжетной беллетристики есть особый термин – «хонкаку-детектив», то есть «традиционный, ортодоксальный детектив». Он описывает тот вид детективных историй, что является не только литературным жанром, но и в той или иной степени типом игры. Такие истории построены на принципе «высокого уровня логических размышлений» – ключевом требовании, которого должны придерживаться детективщики, чтобы их произведения оказались крайне захватывающими: его выдвинул С. С. Ван Дайн, выдающийся представитель «золотого века» англосаксонского детектива (1920–1930-е гг.).

Я кратко опишу историю хонкаку для поклонников традиционного жанра, останавливаясь преимущественно на работах, переведенных на английский. Одним из первых японских рассказов подобного рода стал опыт Эдогавы Рампо с «убийством в запертой комнате», «Убийство на улице Д.» (1925). Среди других произведений этого писателя можно отметить «Психологический тест» (1925) и «Чудовище во

мраке» (1928).

До Второй мировой войны хонкаку был представлен в основном малой формой, хотя имелось и несколько романов. Среди наиболее важных творений предвоенного десятилетия назову «Убийцу» Сиро Хамао (1932), написанного под сильным влиянием Ван Дайна и «Трагедию семьи Фунатоми» Ю Аои, на которую оказали влияние Ф. У. Крофтс и И. Филлпотс.

Почти сразу после войны появился ряд превосходных романов в жанре хонкаку – например, книги Акимицу Такадзи и Сэйси Ёкомидзо. Дебют Такадзи, «Убийство за татуировку» (1948), увидел свет благодаря Рампо, рекомендовавшему его издателю. «Убийство» вместе с «Кланом Инугами» Ёкомидзо (1951) – важнейшие хонкаку послевоенного периода. В Японии главной книгой Ёкомидзо считается «Остров Тюремные Врата» (1949), но на английском доступен только «Клан», поэтому я упомянул именно его.

В 1950 г. началась переписка Эдогавы с Эллери Куином, а спустя два года Рампо и Такадзи вступили в Клуб детективных писателей Америки.

Во второй половине 50-х японскую остросюжетную литературу потряс масштабный катаклизм. Один за другим стали выходить детективные романы, равняющиеся на стиль социального реализма, – и главным автором этого направления выступил Сэйтё Мацумото. Направление быстро набрало популярность и буквально в одночасье превратилось в основ-

ную тенденцию. Хонкаку был смещен со своих позиций. Новая мода получила в литературных кругах название «социальной школы», а ее сосредоточенность на реализме начала рассматриваться как следующая ступень в эволюции детектива. Вот романы Мацумото 50–60-х, переведенные на английский: «Точки и линии» (1958), «Инспектор Иманиси берет след» (1961) и «Безвозмездно» (1961).

Когда в 1977 г. Эллери Куин (точнее, его половина, Фредерик Даннэй)¹ посетил Японию, он участвовал в дискуссии с Мацумото, в ходе которой последний утверждал, что главные составляющие детектива – мотив преступления и описание психологии преступника. К этому мнению стоит отнестись внимательно, однако оно сильно отличается от взглядов Ван Дайна. Мацумото не воспринимал всерьез характерные особенности хонкаку, такие как гениальные дедуктивные умозаключения выдающегося сыщика, театральная манера, в которой он порой изъясняется, а также то, что действие ограничивается узким кругом людей. По сути, Мацумото порицал эти особенности, объявляя их нереалистичными.

После появления на сцене Мацумото издатели перестали печатать старые добрые детективы в духе «золотого века», и для хонкаку настал «ледниковый период». Критика, которую один из персонажей высказывает в адрес «социальной шко-

¹ Эллери Куин – общий псевдоним дуэта писателей, Ф. Даннэя (наст. имя Даниэль Натан) и Манфреда Б. Ли (наст. имя Эмануэль Б. Леповски).

лы» в первой главе «Убийств в Десятиугольном доме», как раз затрагивает японское книгоиздание того времени. Среди тех писателей, кто выдержал испытание и продолжал писать хонкаку, – Аюкава Тецуя и Такао Цучия. На сегодняшний день на английский переведен только один рассказ Цучии, а вот Тецуе не досталось даже этого.

Конец «ледниковому периоду» пытался положить я собственными скромными усилиями – романами «Токийский Зодиак» (1981) и «Дом кривых стен» (1982). Лед, сковавший хонкаку усилиями Мацумото, слегка тронулся, но, к сожалению, не сразу получилось обрести достойных последователей в этом деле. И вот в 1987 году писатель-детективщик, которого я так ждал, явился. Это был Юкито Аяцудзи со своими «Убийствами в Десятиугольном доме». Я сразу почувствовал важность творчества Аяцудзи, поэтому всеми силами поддержал его дебют и написал к нему предисловие.

Судьба круто обошлась с детективами, написанными по канонам «золотого века», однако они по-прежнему пользуются успехом в Японии, хотя в Великобритании и США эта лавочка, похоже, прикрыта. Все дело в том, что у нас есть целая философия хонкаку. Это слово не просто означает произведения, где ключевую роль играют логические умозаключения; оно является своего рода знаком отличия авторов, в особом интеллектуальном уровне чьих книг читатель может быть уверен. Хонкаку – слово, придававшее многим детективщикам – не только выдающимся – сил, помогая писать.

Уверен, если нам удастся привить эту философию к древу британо-американской остросюжетной беллетристики, маятник «золотого века» снова качнется в нужную сторону, чего в Японии удалось достичь благодаря «Токийскому Зодиаку» и «Убийствами в Десятиугольном доме». Сегодня многие японцы помнят первый роман Аяцудзи как эпохальное событие, изменившее нашу детективную литературу своими новаторскими идеями.

Чтобы оценить важность этой работы, нужно коснуться и истории западного детектива. Новая литературная форма, которую мы знаем под этим именем, – детище научно-технической революции, полностью изменившей общество Запада. Эдгар Аллан По был тем, кто впервые изобразил запутанный случай, где зловещее существо ужасающей силы, проникнув в запертую комнату, убило молодую женщину, – а также описал, как трезвый научный рассудок, решая дело, открывает совершенно невероятную истину. За По последовал Конан Дойл, давший миру истории о Шерлоке Холмсе, молодом исследователе, открывшем целую новую область – искусство дедукции, пленившее читателей по всему миру и утвердившее детектив как жанр. Спустя более восьмидесяти лет после По, в 1928 г., Ван Дайн вдохнул в него вторую жизнь. Это ему в голову пришла идея поместить и убийство, и расследование, и все остальное от начала до конца внутри дома или другого ограниченного пространства, создав подобие спортивного развлечения, – как это сделано и в «Убий-

ствах в Десятиугольном доме».

Когда вступил в дело Ван Дайн, преданные поклонники детективов уже привыкли к различным литературным приемам в стиле По и Дойла и в отличие от читателей времен молодости жанра догадывались, что можно ожидать на следующей странице. Стало быть, авторам следовало перестроиться и взять новый курс.

Ввод в действие подозрительных обитателей дома и откровенная подача характеров прямо с самого начала; четкое описание окружения, где разыгралась трагедия убийства; недопустимость лжи в повествовании; неприемлемость сокрытия от читателя информации, необходимой для дедуктивных умозаключений; ликвидация элементов, мешающих наслаждению чистой игрой ума (подобных китайской магии в бульварных любовных историях) – такие правила игры предложил Ван Дайн. Джон Диксон Карр и Эллери Куин загорелись идеей и создали (иногда, правда, и нарушая правила) собственные успешные произведения, вдохновленные также готическим романом. Так возникали условия для «золотого века».

Впрочем, описанный творческий подход ограничивает писательский инструментарий, и есть основания посетовать, что после «золотого века» жанр толком не развивался. Помимо прочего, активное использование По и Конан Дойлом новейших научных достижений было отброшено Ван Дайном, и детектив двадцатого века плелся в хвосте революци-

онных открытий.

Оглядываясь на проделанную Аяцудзи работу, можно сказать, что он провел литературный эксперимент, руководствуясь подходом Ван Дайна, однако ему хватило смелости и мастерства внести в жанр новую струю. Вот почему его стиль был назван «син-хонкаку», то есть «новым традиционным детективом», и множество авторов последовали за ним.

Приличное число новых хонкаку-детективщиков смогли поймать новую волну и дебютировали в краткий период с 1987 по 1990 г.: Сёго Утано, Рейто Никайдо, а также товарищи Аяцудзи по детективному клубу в Киотском университете – Ринтаро Норидзуки, Такемару Абики и Ютака Мая. Ко всем этим дебютам я тоже написал предисловия. Откликаясь на произошедшие сдвиги, разными путями пришли в литературу такие писатели, как Арису Арисугава, Каору Китамура, Ая Имамура и Таку Асибе. Все перечисленные объединились и создали движение син-хонкаку. Создавалось такое впечатление, что великий дух хонкаку весь «ледниковый период» провел в ожидании нужного момента, – и когда тот наступил, дух возродился.

«Убийство в Красном зале» (2004) Асибе было переведено на английский, а два рассказа Норидзуки, «Загадка городской легенды» и «Искус зеленой двери», опубликовал «Детективный журнал Эллери Куина», как и мой собственный «Запертый дом Пифагора» (в 2004, 2014 и 2013 гг. соответственно).

Подобно Ван Дайну, Аяцудзи в «Убийствах в Десятиугольном доме» отказался использовать новейшие научные достижения и выстроил сюжет с убийствами и расследованием вокруг полностью уединенного здания. Но в то же время он безжалостно искоренил другие вещи, которые Ван Дайн считал придающими произведению «литературности»: изображение представителей высшего класса общества, острословие, особую роль надменных женщин, любезные диалоги за ужином с вином, вышколенных слуг во главе с дворецким. Этим он приблизил свой роман к игре более, чем кто-либо ранее.

В итоге его персонажи действуют почти как роботы, их мысли схематично доносятся посредством однообразных фраз. Повествователь совершенно не озабочен тонкостями письма и красотами стиля, его интересует только сама история. Читатели, привыкшие к американским и британским детективам, были в шоке. Роман казался им похожим на иллюстрирующие его элементарные схемы.

Люди лишены эмоций и повинуются лишь электрическим сигналам: вы словно находитесь внутри видеоигры. Уникальный метод Аяцудзи – как бы разыгранная в театре пьеса об абстрактных убийствах, где среди персонажей затаился убийца, – проистекает из традиций игр-головоломок детективного клуба Киотского университета. Участники подобных игр, не имея никаких сведений, перенесенных на бумагу, должны вычислить убийцу, следуя за устным рассказом о

преступлении. В такой напряженной ситуации, когда каждое слово исчезает тут же после произнесения, нужда в литературных изысках отпадает.

Аяцудзи первым обнародовал эту технику под названием «условное воссоздание» в эксперименте «Убийства в Десятиугольном доме» – он же его дебютный роман. Некоторые приняли точно рассчитанную отвлеченность от деталей за вопиющую неопытность в выражении мыслей, а то и вовсе за отсутствие литературной жилки. Когда книга вышла, автор подвергся резкой критике. Однако у него были причины написать эту книгу именно так, и никак иначе. Ко всеобщему удивлению, роботоподобные персонажи из видеоигр очень быстро обрели широкую популярность – что неудивительно, если принять во внимание потенциал выбранного стиля. «Десятиугольный дом» занял заслуженное место в ряду детективных шедевров. Думаю, в анимэ, которое ныне захватило чуть ли не весь мир, замкнутые миры школы Аяцудзи придутся весьма кстати.

Содзи Симада

Токио, 2015 г.

Пролог

Ночь, море, покой.

Тишину нарушает лишь монотонный шум волн. Они закипают где-то в бескрайнем мраке, набегают на берег и исчезают.

Он сидел на прохладном бетоне волнореза, один против простиравшейся перед ним неоглядной тьмы, окруженный белыми облачками пара, поднимавшегося от дыхания.

Он страдал уже несколько месяцев, и уже несколько недель его одолевала одна и та же мысль, не отпускавшая ни на день. И вот сейчас стремления приобрели совершенно четкую форму и двигались в одном направлении.

План готов.

Приготовления практически завершены.

Оставалось только ждать, когда *они* попадут в ловушку.

Он не питал иллюзий, понимая, что план не идеален. Его нельзя было назвать тщательно проработанным; скорее наоборот, план был небрежный, составленный кое-как. Но он и не собирался разрабатывать его во всех деталях.

Ведь, как ни старайся, в конце концов человек – это человек, и богом ему не быть никогда.

Можно, конечно, вообразить себя богом, это совсем не трудно, однако, как ни крути, человек – всего лишь человек, и какими бы талантами он ни обладал, достичь того он не в

состоянии.

И разве может существо, не являющееся богом, предсказать, что может произойти в будущем, которое формируют психология, поведение человека или же просто случайность?

Даже если представить мир в виде шахматной доски, а людей – фигурами на ней, все равно существует предел, за которым невозможно предугадать дальнейшие ходы. Самый тщательный, до последней детали проработанный план может когда-то, где-то, в чем-то не сработать. Окружающий мир настолько переполнен случайностями, а душам людским так свойственно непостоянство, что этого не в состоянии учесть даже самый изощренный план.

Человеку, сидевшему на берегу, больше всего подходил план, который не ограничивал бы его действия; максимально гибкий, позволявший адаптироваться к меняющимся обстоятельствам. Вот к какому заключению он пришел.

Нельзя быть твердолобым.

Нужен не план, а руководство к действию, в рамках которого можно выбрать вариант, наиболее соответствующий сложившейся в определенный момент обстановке.

Исход дела будет зависеть от умственных способностей, сообразительности и быстроты реакции, удачи, наконец.

Я знаю: человеку никогда не стать богом.

Но в каком-то смысле ему предстояло взять на себя роль «бога». Это несомненный факт.

Приговор. Да, именно приговор.

Во имя мести ему предстоит вынести *им* приговор. Им всем.

Приговор, выходящий за рамки правосудия.

Он не бог, и поэтому ему не будет прощения за то, что он собирается совершить. Он это прекрасно знает. Его действия общество назовет «преступлением», и если о них станет известно, он будет осужден по закону.

Но, несмотря ни на что, соображения здравого смысла не могли больше сдерживать его эмоции. Эмоции? Нет, это слово совершенно не подходит.

Это не просто сильное чувство.

Это крик души, последняя связь с жизнью, причина, ради чего он существует.

Глубокая ночь, море, время молчания.

Ни сияния звезд, ни огней проплывающих в море судов. Ничто не нарушало темноты, куда был устремлен его взгляд. Он снова обдумывал свой план.

Подготовка близилась к концу. Скоро *они* – его грешная добыча – окажутся в приготовленной им ловушке. Ловушке, которая представляет собой фигуру, состоящую из десяти равных сторон и десяти внутренних углов.

Они попадут в нее, ни о чем не подозревая. Без боязни и сомнения ступят в капкан-декагон², из которого им не суждено выбраться...

Что ожидает их там? Смерть, разумеется. Заслуженное

² Декагон – десятиугольник.

наказание, которое должны понести все без исключения.

Их смерть не должна быть легкой. Конечно, можно было бы, к примеру, без особого труда взорвать всех их разом. Способ простой и надежный. Но он не может выбрать этот путь.

Он должен убивать их по порядку, по очереди. Точно как в романе известной английской писательницы – медленно, одного за другим. Он даст им понять, что есть страдание, что есть скорбь, боль и страх смерти.

Возможно, рассудок его помутился. Он готов это признать.

Знаю: сколько бы я ни оправдывал себя, только человек не в своем уме способен на то, что я собираюсь сделать.

Он тряхнул головой и посмотрел туда, где простиралось черное ночное море, накатывавшее на берег свои волны.

Рука в кармане пальто ощутила что-то твердое. Он вынул предмет из кармана и поднес к глазам.

Бутылочка из прозрачного зеленого стекла.

В плотно закупоренной бутылочке было собрано все, что крылось в самых потаенных уголках его души. Все, что попростому называется совестью. Несколько сложенных листов бумаги. На них мелкими иероглифами изложено содержание плана, который он намеревался осуществить. Письмо без адреса, письмо-признание...

Я знаю: человеку никогда не стать богом.

Он понимал это и именно поэтому не хотел доверять

окончательный приговор кому-то из людей.

Не важно, куда приплывет эта бутылка. Ему просто хотелось задать морю, откуда произошла вся жизнь, последний вопрос: прав он или нет?

Ветер подул сильнее.

Пронизывающий холодок пробежал по затылку, невольно заставив его содрогнуться.

Он размахнулся и забросил бутылочку в темноту.

Глава 1

День первый

Остров

1

– Боюсь, у нас с тобой получается какой-то тухлый спор, – сказал Эллери, худощавый белокожий парень высокого роста. – Для меня детектив – это интеллектуальная забава. Волнующая логическая игра. Читатель против сыщика или читатель против автора. Игра, ни больше ни меньше. Реализм «социального детектива», одно время весьма популярного, в том числе в Японии, себя изжил. Какую-то конторщицу находят убитой в ее тесной квартирке. Следователь ценой титанических усилий и пары обуви, стертой в процессе расследования, арестовывает начальника жертвы, который оказывается ее любовником. Хватит с меня таких историй! Не надо больше про коррупцию, про всякие заговоры в политических кругах, трагедии, в которых виновато современное общество. Что требуется от детектива? Пусть скажут, что я отстал от жизни, но мне нужны знаменитые сыщики, особняки, где разворачивается действие, их подозрительные обитате-

ли, кровавые трагедии, невероятные преступления и хитрости, к которым прибегают изворотливые преступники. Важна игра воображения. Мне приятно находиться в таком мире. Обязательное условие – присутствие во всей этой каше интеллекта.

Парни сидели в пропахшей машинным маслом и соляркой рыбацкой шхуне, которая покачивалась на волнах, мирно перекатывавшихся по воде. Мотор, приводивший шхуну в движение, натужно пыхтел.

– Ну и вонь!

Карр, сидевший облокотившись о поручни, скривился и выпятил вперед длинный, до синевы выбритый подбородок.

– Мне не нравится, Эллери, что ты заладил одно и то же: «интеллект, интеллект»... Ты считаешь детектив игрой – ну и на здоровье. Только не надо все время про интеллект. У меня от этого настроение портится.

– Очень жаль.

– Это называется элитизм. Не все же читатели такие интеллектуалы, как ты.

– Точно... – Эллери спокойно посмотрел на Карра. – ...И очень прискорбно. Я остро ощутил это, просто пройдясь по кампусу. Даже в нашем клубе не все обладают интеллектом. Есть такие, у кого он под вопросом.

– Поссориться хочешь?

– Упаси бог! – Эллери пожал плечами. – Никто не говорит, что ты – один из них. Под словом «интеллект» я имею в виду

отношение к игре. Это не значит, что кто-то умный, а кто-то глупый. На свете нет людей совсем без ума. Точно так же не найдешь человека, незнакомого с играми. Я говорю о том, готов ли человек психологически играть в интеллектуальные игры.

Карр насмешливо фыркнул и отвернулся.

Мягкая улыбка появилась на лице Эллери, когда он перевел взгляд на сидевшего рядом с ним паренька с ребячьим лицом и очками в круглой оправе на носу.

– Скажу больше, Леру. Детективы строятся на основе особых правил, и если воспринимать их как отдельный мир, созданный для интеллектуальной игры, то должен признать, что время, в котором мы живем, – чрезвычайно сложный период для этой конструкции.

– О-о! – Леру слегка наклонил голову набок, а Эллери продолжил:

– Эта дискуссия продолжается уже много лет. Следователи-работяги, отдающие работе все силы, прочная организационная структура, методы расследования, основанные на последних достижениях науки... Мы не можем считать современную полицию некомпетентной. Пожалуй, с компетенцией у нее даже перебор. Известным детективам прошлого, полагавшимся исключительно на серое мозговое вещество, не нашлось бы места для деятельности. Это факт. Появись сейчас мистер Холмс в одном из больших городов, его подняли бы на смех.

– Ну уж ты скажешь! Современный Шерлок Холмс вполне может появиться.

– Ты прав, конечно. Появится человек, до зубов вооруженный новейшими знаниями в области судебной медицины и экспертизы, и начнет наставлять беднягу Ватсона с помощью доступных лишь специалистам словечек и формул, в которых не разберется ни один читатель. «Это же элементарно, Ватсон! Как можно не знать такие вещи...»

Эллери, держа руки в карманах бежевого плаща, снова пожал плечами.

– Естественно, я преувеличиваю, намеренно довожу свои аргументы до крайности, чтобы нагляднее проиллюстрировать то, что хочу сказать. Я не собираюсь аплодировать победе полицейского механизма с его сухой, лишенной всякого романтизма техникой расследования над не имеющими с ним ничего общего логикой и умопостроениями блестящих детективов «золотого века». Любой автор, которому приходит в голову написать детектив, непременно оказывается перед дилеммой: либо то, либо другое. И самый простой (хотя, может, это и не точное выражение) способ решения данной дилеммы – это «домик в горах в снежную бурю». Показать крупным планом изолированную среду, в которой происходит действие.

– Понятно. – Леру кивнул с серьезным видом. – Ты хочешь сказать, что самая современная тема классического детектива – это «домик в горах в снежную бурю»?

Март близился к концу. Весна была на подходе, хотя ветер на море задувал еще холодный.

На полуострове S, на восточном побережье префектуры Оита, что на острове Кюсю, есть мыс J. Шхуна отчалила от пристани в рыбацком городке S, приютившемся на мысе, и, оставляя за собой пенный след, держала курс на маленький островок, лежавший в море километрах в пяти от берега.

Безоблачное небо, вместо того чтобы отливать голубишной, было каким-то белесым. Причиной тому служил желтый песок, который с приходом весны ветер поднимал в воздух в этих краях. Лучи солнца, расположившегося на небосклоне, падали на шумевшие за бортом волны, превращаясь в серебряных рыбок. Шхуна, словно покрывалом, была окутана дымкой, принесенной ветром с берега.

– Что-то я больше рыбаков здесь не вижу, – произнес высокий парень, который до этого молча курил. Он стоял напротив Эллери и его приятелей, опершись одной рукой о поручень. У него были жесткие, давно не стриженные волосы и густая борода, закрывавшая пол-лица. Это был По.

– Течение с той стороны острова больно опасное, потому все и обходят это место, – отозвался пожилой жизнерадостный рыбак. – Рыбные места лежат дальше к югу, так что у острова мало кто плавает. Даже те, кто, отчалив от пристани, проходит мимо, стараются держаться подальше. А что это вы, ребята-студенты, вроде какие-то не такие?

– Да? А что не так-то?

– Ну, имена у вас странные. Вот я слышал вроде Лулу, Эрари... Это что за имена такие? Неужто вам нравятся?

– М-м... Это что-то вроде прозвищ.

– И что ж, теперь все студенты с такими кличками ходят?

– Да нет. Не думаю.

– То есть одни вы, значит, такие чудики?

Напротив рыбака и По на длинном деревянном ящике, поставленном в центре шхуны вместо лавки, сидели две девушки. С сыном рыбака, стоявшим у руля, на шхуне было восемь человек.

Шестеро молодых пассажиров шхуны были студентами университета К** в городе О, что в префектуре Оита, и членами университетского Клуба детективов. Эллери, Карр, Леру, По... так они называли друг друга.

Незачем и говорить, что студенты позаимствовали эти имена у американских и европейских писателей-детективщиков, которых очень уважали: Эллери Куина, Джона Диксона Карра, Гастона Леру и Эдгара Аллана По. Девушек звали Агата и Орци – от королевы детектива Агаты Кристи и баронессы Орци, автора «Старика в углу»³.

– Эй, гляньте! Вон она, Цунодзима! И дом стоит. Видите? – прокричал рыбак. Все дружно повернули головы в сто-

³ Эмма Орци (1865–1947) – британская писательница венгерского происхождения, известная, помимо прочего, тем, что впервые вывела в роли главного следователя в детективном романе женщину. Старик в углу – прозвище одного из ее героев, «сидячего детектива», который решает дела не выходя из любимой чайной.

рону острова, который становился все ближе.

Остров был маленький и ровный.

Над морем почти вертикально возвышалась высокая круча, украшенная темным гребнем, напоминавшим по форме гигантские десятииеновые монеты, уложенные друг на друга. Остров имел три небольших выступа, выдававшихся в море и напоминавших рога. Отсюда, видимо, и пошло название – Цунодзима, Рогатый остров. Со всех сторон он круто обрывался вниз, и причалить можно было лишь в единственной тесной бухточке. Вот почему любопытные рыбаки-любители очень редко заплывали на остров. Лет двадцать назад какой-то человек перебрался на Цунодзиму, построил странной формы дом и назвал его Голубой виллой, но через какое-то время остров опять обезлюдел.

– А что виднеется там, на вершине того утеса? – подала голос Агата, поднимаясь с ящика. Приглаживая рукой растрепавшиеся на ветру длинные волосы, она довольно щурилась на солнце.

– Это пристройка. Сгорела наполовину, а главный дом, как я слышал, сгорел дотла, – в полный голос объяснял рыбаки.

– Ага! А вон там Десятиугольный дом, да, папаша? – спросил Эллери. – Вы бывали на этом острове?

– Я несколько раз заходил в эту бухту, чтобы укрыться от ветра, но на остров не вылезал. Да и вообще, после того, что тут случилось, лучше держаться от него подальше. Вот и вы

давайте поосторожнее там.

– А чего бояться? – спросила, повернувшись к рыбаку, Агата.

Тот понизил голос:

– На острове... м-м-м... появляется *он*. Так люди говорят.

Агата и Эллери быстро переглянулись в недоумении.

– Призрак. Мужик, которого здесь убили. Накамура, что ли...

Рыбак скривился в улыбке, словно хотел согнать множество морщинок, опутавших его смуглое лицо:

– Люди рассказывали: когда в дождливый день проплываешь мимо острова, вон на том утесе, на самом верху, появляется фигура в белом. Призрак того самого Накамуры. Он машет руками, заманивает... А еще говорили, что видели блуждающие огни там, где никого быть не должно, духов каких-то возле сгоревшего дома... А у кого-то на глазах призрак даже лодку с рыбаками под воду уволок.

– Ерунда это все, папаша, – с трудом выдавил из себя Эллери. – Зря вы нас пугаете. Вы своими историями только всех развеселите.

Из всех студентов слегка напуганной выглядела лишь Орци, оставшаяся сидеть на ящике. Всех остальных рассказ рыбака совершенно не смутил. Агата, радостно бормоча себе под нос: «Вот здорово!» – прошла на корму шхуны.

– Слушай! Это правда? – весело спросила она сына рыбака, совсем еще мальчишку, по-прежнему сжимавшего в ру-

ках румпель.

– Все это враки, – отрезал мальчишка. Он взглянул на Агату и отвел глаза, как от яркого света. – Я разное слышал, но сам призрака не видал.

– Неужели ни разу? – слегка разочарованно проговорила девушка, но тут же озорно улыбнулась. – Я против призраков ничего не имею.

– Да уж, раз тут *такое* случилось.

Было одиннадцать утра среды, 26 марта 1986 года.

2

Бухточка находилась на западном берегу острова.

С двух сторон ее окружали кручи. С правой стороны поднимались вверх голые скалы, образуя сплошную стену высотой метров двадцать, которая тянулась до южного берега. С восточной стороны, где течение было очень сильное, скалы достигали пятидесяти метров. К бухте спускался крутой склон, по которому наверх вели узкие каменные ступеньки, обрамленные то тут то там прицепившимися к скалам кустиками темной зелени.

Шхуна медленно вошла в тесную бухту. Волны здесь были не такие высокие. Вода тоже казалась другой – тяжелой, изумрудно-зеленого цвета.

С левой стороны приткнулся деревянный причал. Чуть дальше стоял ветхий обшарпанный сарай, где хранились лод-

ки.

– Значит, не хотите, чтобы я вас тут навещал? Посмотреть, мало ли что... А то я могу, – решил предложить рыбак, пока шестеро студентов выбирались на причал, опасно поскрипывавший под ними. – На телефон не рассчитывайте. Нету его тут.

– Всё в порядке, папаша. Сами справимся, – ответил Эллери и, похлопав по плечу По, присевшего с сигаретой в зубах на свой рюкзак, добавил: – У нас даже почти дипломированный врач есть.

Бородач По учился на четвертом курсе медицинского факультета.

– Все правильно, Эллери, – поддакнула Агата. – Не так часто появляется возможность пожить на необитаемом острове, и все настроение пропадет, если нас тут будут проверять.

– Смелые у вас девчата, я смотрю... – Рыбак рассмеялся, показывая крепкие белые зубы, и принялся отвязывать веревку от столба на причале. – Тогда, значит, ждите меня на следующей неделе во вторник утром, в десять. И давайте поосторожнее.

– Спасибо, будем. Особенно с призраками.

* * *

Когда долгий крутой подъем по ступенькам был завершен, перед молодыми людьми открылась лужайка, поросшая вы-

сокой травой. Она была разбита вместо сада перед небольшим зданием с белыми стенами и голубой крышей, которое будто специально ожидало студентов.

Кошачий
остров



Рис. 1. План Цунодзимы

Выкрашенная голубой краской двустворчатая дверь, видимо, и служила главным входом и вела в прихожую. Чтобы попасть в дом, надо было подняться по ступенькам.

– Это и есть Десятиугольный дом? – первым подал голос Эллери, с трудом переводя дыхание после долгого подъема. Поставив на землю темно-бежевую сумку, он постоял немного, глядя на небо. – Ну как тебе здесь, Агата?

– Класс! Я даже не ожидала. – Агата приложила платок к белому лбу, на котором выступили капельки пота.

– А я... думаю... вот... – пропыхтел запыхавшийся Леру. Он тащил сразу несколько сумок, в том числе багаж Агаты. – Как бы это сказать... я думал, это более дикое место.

– Ожидания не всегда оправдываются. Войдем, посмотрим. Ван должен нас встречать, он приехал раньше. Что-то его не видно...

Как только Эллери произнес эти слова, перевел дыхание и поднял сумку, голубые ставни слева от входа распахнулись и в окно выглянул человек.

– Всем привет!

Так на сцене появился Ван, седьмой член Клуба детективов. Он жил на острове в этом доме уже неделю. Свой псевдоним Ван позаимствовал у С.С. ван Дайна, создателя знаменитого сыщика Фило Вэнса.

– Минуточку, я иду, – странно надтреснутым голосом ска-

зал он и закрыл ставни. Через минуту выскочил из прихожей. – Не смог встретить вас на причале, извините. Вчера простыл немного, температура поднялась, я и прилег. И все время прислушивался, когда подойдет шхуна.

Ван высадился на острове раньше остальных, чтобы все приготовить.

– Простудился? Ничего серьезного? – озабоченно поинтересовался Леру, поправляя очки, соскользнувшие на кончик потного носа.

– Да нормалек, – неуверенно хохотнул Ван, передернув худыми плечами.

* * *

Следом за Ваном его товарищи вошли в дом.

Миновав голубую двустворчатую дверь, прибывшие очутились в просторной прихожей. Впрочем, они тут же поняли, что это оптический обман. При ближайшем рассмотрении прихожая получалась не такой уж большой. Форма у нее была не прямоугольная, и из-за этого помещение выглядело больше, чем на самом деле.

В стене перед ними оказалась еще одна двустворчатая дверь, которая вела в глубь дома. Приглядевшись, студенты заметили, что эта стена уступает в ширине той, что была у них за спиной. То есть прихожая напоминала трапецию, сужавшуюся от входа к противоположной стене.

Странный вид комнаты произвел впечатление на всех, кроме Вана, но когда, миновав дверь, они вошли в холл, замысел планировщика стал понятен. Перед ними было десятиугольное помещение, все стены которого имели одинаковую ширину.

Чтобы понять устройство этого дома, лучше всего, наверное, изобразить его план на бумаге.

Отличительной чертой дома-декагона, как следует из названия, было то, что его внешние стены имели форму правильного десятиугольника. Внутри этого большого десятиугольника находился холл – малый декагон, образованный десятью прилегающими друг к другу отдельными блоками. Иначе говоря, внутренний декагон (холл) находился в окружении десяти трапециевидных помещений. Одним из них была прихожая, через которую только что прошли студенты.

– Ну как? Чудно, правда? – спросил Ван, оборачиваясь. – Вон та двойная дверь напротив – кухня. Слева от нее – туалет и ванная. Остальные семь комнат – гостевые.

– В десятиугольном доме десятиугольный холл... – Оглядевшись как следует, Элери подошел к большому белому столу, стоявшему в центре холла, и забарабанил пальцами по краю. – Надо же! Стол и тот десятиугольный. Круто! Может, убиенный Сэйдзи Накамура страдал от мономании?⁴

– Всяко бывает, – отозвался Леру. – Я слышал, в сгорев-

⁴ Мономания – навязчивая или чрезмерная увлеченность одной идеей или субъектом; одностороннее однопредметное помешательство.

шей Голубой вилле все было голубое – от пола до потолка, даже мебель.

Человека, который двадцать лет назад перебрался на этот остров и возвел на нем Голубую виллу, звали Сэйдзи Накамура. Он же, конечно, построил и Десятиугольный дом.

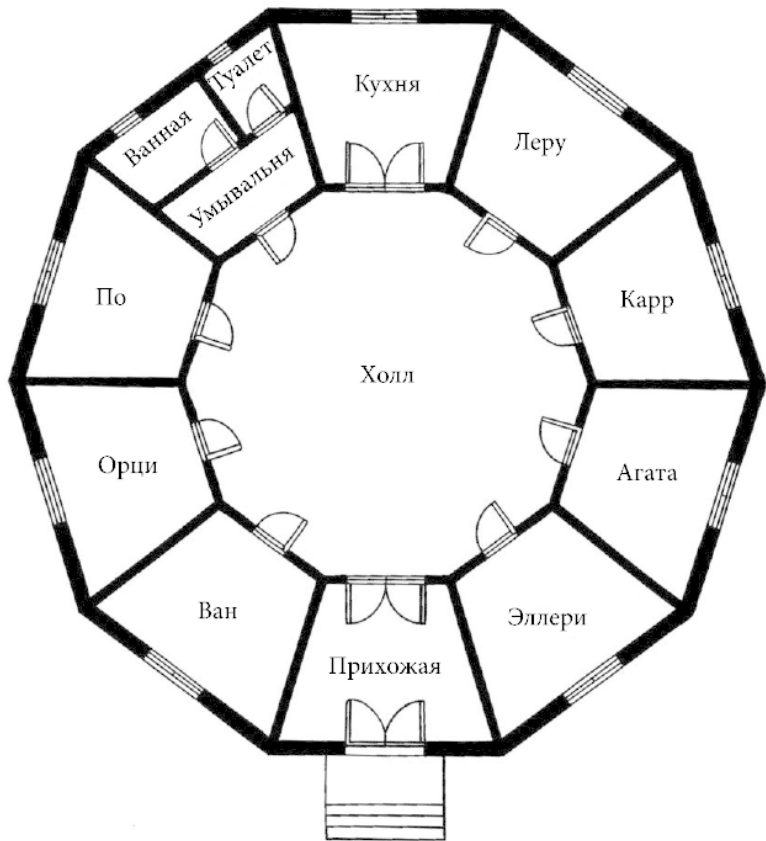


Рис. 2. План Десятиугольного дома

– Но как же мы будем отличать эти комнаты? – ни к кому особенно не обращаясь, задала вопрос Агата.

В прихожую и на кухню вели одинаковые двойные двери.

Обе были украшены узорчатым стеклом, заключенным в рамы из некрашеного дерева. В закрытом состоянии никто не смог бы найти разницу между ними. По каждую сторону от этих дверей располагались по четыре двери – все из некрашеного дерева и не отличимые с виду, за которыми находились комнаты гостей. В холле не было никакой мебели или каких-либо предметов домашней утвари, которые помогали бы ориентироваться, так что опасения Агаты имели под собой основания.

– Есть такая проблема. Я сам сегодня утром несколько раз заходил не в те комнаты. – Ван криво усмехнулся. Веки у него слегка припухли – из-за температуры, наверное. – А давайте сделаем таблички с именами и повесим на двери. Орци! Ты взяла свой альбом?

Услышав свое имя, Орци робко подняла голову.

Она была маленького роста, да еще и пухленькая и, наверное, поэтому всегда носила только черное, но проблему это не решало – в таких нарядах она выглядела старомодной простушкой. Особенно на фоне яркой и живой Агаты. Из-за этого Орци при разговоре все время опускала глаза. Зато она здорово рисовала. Ее хобби была традиционная японская живопись.

– Да, взяла. Принести?

– Можно потом... Ну что, ребята, разбирайте комнаты. Все они одинаковые, так что можете не спорить. Только эту не занимайте. Я уже в ней живу. – Ван указал на одну из две-

рей. – Если кому нужны ключи, они в замочных скважинах.
– Все понятно, – живо отозвался Эллери.
– Тогда давайте передохнем и осмотрим остров.

3

Комнаты поделили быстро.

Левую сторону от прихожей заняли Ван, Орци и По, правую – Эллери, Агата, Карр и Леру.

Когда вновь прибывшие разошлись с багажом по комнатам, Ван, привалившись спиной к двери своей комнаты, достал из кармана жилета цвета слоновой кости пачку «Север старз» и закурил. Затем с чувством выполненного долга обвел внимательным взглядом полутемный холл.

Стены холла покрыты белой штукатуркой, пол выложен большими голубыми плитками, поэтому по дому можно было ходить в обуви. В центре потолка, который образовывали панели, отходившие вверх по диагонали от каждой из десяти стен, находилось окно, тоже в форме десятиугольника. Свет из него проливался на голые стропила и потом падал на такой же десятиугольный белый стол, стоявший посреди холла. Вокруг стола стояли десять стульев из некрашеного дерева в голубых матерчатых чехлах. Кроме них и круглой, похожей на маятник лампы, свисавшей со стропил, других предметов интерьера в холле не было.

Электричество отсутствовало. В холл проникал лишь

дневной свет из окна в потолке, от чего помещение даже днем казалось пристанищем таинственных теней.

Через несколько минут из своей комнаты неторопливо вышел По. На нем были вылинявшие джинсы и светло-синяя рубашка.

– Ого! Быстро ты, однако... Подожди, сейчас кофе принесу.

Держа горящую сигарету между пальцами, Ван отправился на кухню. Он учился на третьем курсе естественного факультета и был на год младше По, четверокурсника факультета медицины.

– Ты извини, старик, что тебе пришлось здесь за нас париться – одеяла таскать и прочее...

– Да ничего. Мне тут помогли.

В холле, подвязывая косынкой длинные волосы, появилась Агата.

– Какие замечательные комнаты, Ван! Я думала, здесь все куда хуже... Кофе? Давайте я приготовлю, – весело предложила она.

В кухне Агата увидела стеклянную банку с черной этикеткой.

– Растворимый? – разочарованно протянула девушка, встряхивая банку.

– Ну а какой еще? – парировал Ван. – Мы же не на курорте, а на необитаемом острове.

Агата слегка надула губки, подкрашенные розовой пома-

дой.

– А еда?

– В холодильнике. Только он не работает – из-за пожара вырубился свет и телефон. Но, я надеюсь, продуктов хватит.

– Будем надеяться. А вода есть?

– Да, водопровод я открыл и еще подключил газовый баллон, который привез с собой. Так что можно пользоваться плитой и бойлером. Можно даже попробовать помыться, хотя я бы не советовал.

– Молодец! Хм-м... Тут и кастрюли есть, посуда... Это ты все на себе притащил?

– Нет, от старого хозяина осталось. Еще есть три кухонных ножа. А разделочная доска совсем заплесневела.

К Вану и Агате робко подошла Орци.

– А-а, Орци! Давай-ка подключайся. Тут столько всего осталось... надо все вымыть как следует.

Агата пожалала плечами и сняла черный кожаный жакет. Потом обернулась к По, который заглядывал в кухню из-за спины Вана и Орци, и сказала:

– Нечего тебе тут делать, если помогать не собираешься. Пойди осмотри остров. Все равно, пока мы всё тут не уберем, кофе не получишь.

Уперев руку в бок, она бросила сердитый взгляд на По. Ван криво улыбнулся и с грустным видом удалился вместе с приятелем. Агата холодно бросила им в спину:

– И не забудьте про таблички на двери. Не хватало еще,

чтобы кто-нибудь из вас ввалился ко мне, когда я буду переодеваться.

В холле появились Эллери и Леру.

– Что? Выставила вас королева? – рассмеялся Эллери, прикладывая тонкий палец к худому подбородку.

– Совершенно верно. Повинуясь приказанию ее величества, лучше сначала прогуляться по острову.

– Пожалуй. А где Карр? Не выходил еще?

– Он ушел. Один, – сказал Леру, бросив взгляд на входную дверь.

– Уже?

– Он у нас любит одиночество, – с иронией произнес Эллери и улыбнулся.

* * *

Справа от Десятиугольного дома, с северной стороны, стояли высокие сосны. В одном месте в ряду деревьев образовался разрыв, и ветви растущих напротив черных сосен наклонились так, что получилось подобие арки, пройдя под которой четверо приятелей оказались на том месте, где стояла Голубая вилла.

Все, что от нее осталось, – это фундамент и кучи мусора. Разбитый перед домом большой заброшенный сад был засыпан толстым слоем пепла, вокруг – даже больно было на это смотреть – торчали стволы деревьев, засохшие от опалившие-

го их огня.

– Смотрите-ка, все сгорело. Какой же должен быть пожар, чтобы ничего не осталось?

Глядя на открывшуюся перед ними картину полного запустения, Эллери вздохнул:

– Да уж. Ничегошеньки.

– Ван, ты тоже здесь в первый раз?

Тот кивнул:

– Дядя много рассказывал мне об острове, но раньше я здесь не бывал. Сегодня утром я порядком намучился с вещами, перетаскивая их туда-сюда, а тут еще температура, так что решил один по острову не лазить.

– Ну и правильно. Тем более что здесь, кроме пепла и мусора, ничего нет.

– А ты бы обрадовался, если б мы здесь труп нашли? Да, Эллери? – Леру ухмыльнулся.

– Отстань! Сам ты труп!

Узкая тропинка уходила на запад, в сосновую рощу, и упиралась в скалы. Вдали, в открывшейся перед ними морской лазури, неясной темной тенью маячил мыс J.

– Ну и погодка! Тишь да гладь.

Сладко потянувшись, Эллери повернулся к морю. Невысокий Леру, укутав руки в полу толстовки, последовал его примеру.

– Трудно поверить, что всего полгода назад здесь случился такой ужас. Скажи, Эллери?

– Ужас... Лучше не скажешь. «Загадочное убийство четырех человек на “Голубой вилле” на Рогатом острове».

– В книгах чего только не напишут – и пять человек, и десять на тот свет отправят. Мы уже привыкли. А тут все было по-настоящему, и, можно сказать, совсем недалеко... Я просто был в шоке, когда узнал про это в новостях по телику.

– Когда точно это произошло? Ранним утром двадцатого сентября? На острове Цунодзима в так называемой Голубой вилле, принадлежавшей Сэйдзи Накамуре, возник пожар. Здание сгорело полностью. На пожарище были найдены четыре трупа: самого Сэйдзи Накамуры, его жены Кадзуэ и живших с ними слуг-супругов. – Голос Эллери звучал бесстрастно, он будто зачитывал текст по бумажке. – В телах всех погибших обнаружили высокое содержание снотворного, при этом экспертиза установила, что смерть была вызвана разными причинами. Слуги задушены веревкой в своей комнате, головы разбиты топором. Хозяина виллы, Сэйдзи, облили керосином и, очевидно, сожгли. Его жену, Кадзуэ, нашли в той же комнате. Она умерла от удушья; орудием убийства стала веревка или шнурок. Кроме того, у нее была отрублена левая кисть. Обнаружить ее на пожарище не удалось. Вот такая картина, Леру.

– Еще вроде был садовник, который исчез...

– Да-да. Он нанялся к Накамуре на работу и появился на острове всего за несколько дней до того, как это все случилось, но полиция его так и не нашла. Как в воду канул.

– Ну да.

– Есть две точки зрения на это дело. Первая – садовник и есть преступник, поэтому он и исчез. Вторая – преступление совершил кто-то другой, а садовник – например, спасаясь от убийцы – свалился с утеса, и его унесло течением...

– Полиция, похоже, склонялась к версии, что преступником был садовник. Хотя что показало расследование, неизвестно. А ты что об этом думаешь, Эллери?

– Так... – начал Эллери, легким движением откидывая назад упавшую на лоб прядь волос, растрепавшихся на ветру. – К сожалению, у нас слишком мало информации. Все, что нам известно, мы знаем из новостей, пока вокруг этого дела несколько дней стоял шум в газетах.

– Куда подевался твой боевой настрой?

– Да никуда он не подевался. Можно рассуждать сколько угодно, строить разные теории... Однако у нас не хватает информации, чтобы считать теорему доказанной. Кроме того, в данном конкретном случае полиция провела расследование довольно топорно. Хотя на месте преступления больше ничего не осталось. Так ведь? Выживших на острове не было. Естественно, следователи поспешили объявить преступником пропавшего садовника.

– Все так.

– Истина лежит под этими головешками.

Эллери повернулся и, пройдясь по заваленному битым кирпичом пожарищу, поднял с земли обломок доски. На-

гнулся, разглядывая место, где она лежала.

– Ты чего? – Леру наклонил голову.

– А забавно было бы найти сейчас пропавшую руку жены Накамуры, – с серьезным видом отозвался Эллери.

– Еще скажи: хорошо бы найти под полом Десятиугольного дома скелет садовника.

– Ну, вы даете! – По, до сих пор молча слушавший разговор Эллери и Леру, изумленно посмотрел на них и погладил длинную бороду. – А ты, я смотрю, шутник, Эллери.

– Это точно, – согласился Леру. – Если завтра на острове что-нибудь произойдет, получится любимый Эллери классический случай «домика в горах в снежную бурю». Мы говорили об этом, когда плыли сюда. Как бы он обрадовался, если б здесь произошло серийное убийство, как в «Десяти негритьях»!

– И его первого и убили бы.

По вообще был неразговорчив, но иногда бросал ядовитые реплики в стиле «редко, но метко».

Леру и Ван посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– «Серийное убийство на покинутом острове». А что? Звучит неплохо, – без малейшего смущения и робости заявил Эллери. – Это как раз то, что нужно. А я возьму на себя роль детектива. Ну, кто бросит вызов мне, Эллери Куину?

– В таких ситуациях, как сейчас, женщинам достается больше всего. Мы для них что-то вроде прислуги, – ворчала Агата, быстро разбирая вымытую посуду. Вызвавшаяся ей помогать Орци стояла рядом, следя за быстрыми движениями белых тонких пальцев Агаты, пока не сообразила, что ее собственные руки ничем не заняты.

– Пусть мужчины тоже на кухне поработают. Они не должны думать, что на нас можно все свалить. Как считаешь?

– Э-э... ну да...

– Эллери все время так важничает... Представляю его в фартуке и с половником. Сногсшибательное зрелище!

Агата весело расхохоталась. Орци покосилась на ее резко очерченный профиль и вздохнула.

Умное лицо, нос безукоризненной формы. Глаза подведены легкими фиолетовыми тенями. Длинные волнистые волосы хорошо ухожены.

Всегда веселая и излучавшая уверенность в себе Агата обладала скорее мужским характером, но при этом прекрасно понимала, что она женщина. Ей нравилось ловить на себе взгляды мужчин, привлеченных ее яркой красотой.

А я по сравнению с ней...

Маленький кругленький носик. Детские красные щеки, усыпанные веснушками. Большие глаза, беспокойно рыска-

ющие по сторонам, совсем не подходили к ее лицу. Орци понимала, что, даже если она попробует накраситься, как Агата, толку не будет. Она не просто стеснялась своей внешности, а испытывала отвращение к своей робости, неуверенности, склонности к одолевавшим ее напрасным страхам и к отсутствию интереса к происходящему вокруг.

Их семерка часто собиралась вместе, и всякий раз девушек было только двое – она и Агата. Эта повторяющаяся неизбежность давила на Орци.

Не надо было мне сюда ехать. Вот такая мысль настойчиво преследовала ее.

Сначала у Орци не лежала душа к поездке на этот остров. Ей казалось, что появление там их компании осквернит память погибших. Однако робость не позволила ей устоять перед настойчивыми просьбами приятелей.

– Ой, какое суперское колечко! – сказала Агата, заметив кольцо на среднем пальце левой руки Орци. – Давно оно у тебя?

Орци уклончиво покачала головой:

– Не... не очень.

– Не иначе кто-то подарил? Хороший человек...

– Нет, что ты!

В конце концов Орци все-таки решила ехать. Она не осквернит память, она поедет, чтобы отдать последний долг тем людям, которые там умерли.

– Орци, ты всегда такая?

– Какая?

– Закрытая. Все держишь в себе. Мы уже два года знакомы, но мне кажется, что я о тебе почти ничего не знаю. Я не имею ничего против, конечно... Просто это как-то странно.

– Странно?

– Ну да. Мне приходит в голову эта мысль, когда я читаю твои рассказы в журнале нашего клуба. В них ты такая живая, ясная, а на деле...

– Потому что рассказы – это выдуманный мир.

Избегая взгляда Агаты, Орци отвернулась. На губах ее появилась смущенная улыбка.

– У меня с реальностью как-то не ладится. Я терпеть себя не могу. Мне всё во мне не нравится.

– Ну что ты! – Агата рассмеялась и провела пальцами по аккуратным коротким волосам Орци. – Просто тебе не хватает уверенности. А без нее никак. Ты очень милая, симпатичная... Ты ничего про себя не знаешь. Ну что ты голову все время опускаешь? Смотри гордо.

– Ты хорошая, Агата.

– Да ладно тебе. Давай уберем все быстрее и приготовим перекусить что-нибудь.

* * *

Эллери, Леру и Ван все еще бродили по пепелищу, на месте которого еще недавно стояла Голубая вилла. Они реши-

ли осмотреть раскинувшуюся напротив рошу.

– Эллери! И ты, Ван! Нам тут жить ровно неделю, и я хотел вас попросить...

Глазки Леру за стеклами комичных очочков в круглой серебряной оправе – хотя сам он не считал их комичными – засверкали.

– Я не говорю о ста страницах, пусть будет пятьдесят.

– Ой-ой, Леру! Шутишь?

– Я всегда серьезен. Ты же знаешь, Эллери.

– Но мы же совсем не за этим сюда приехали. Скажи, Ван?

– Согласен.

– Но я же вам уже объяснял. Я хочу выпустить следующий номер «Острова мертвых» пораньше, к середине апреля. Он нам нужен для привлечения новых членов в наш клуб, и еще – это специальный выпуск, посвященный десятилетию клуба. Я тоже сделаю все, что смогу, ведь я же буду редактором. Вы же не хотите, чтобы я облажался с журналом с самого начала?

Леру, студент второго курса литературного факультета, в апреле должен был стать редактором «Острова мертвых» – журнала Клуба детективов.

– Послушай, Леру. – Эллери извлек из кармана рубашки цвета красного вина пачку «Салема» и распечатал ее. Он учился на третьем курсе юридического факультета и до апреля считался редактором «Острова мертвых». – Тебе надо подбить на это дело Карра. О содержании говорить не буду,

но то, что он самый плодовитый автор в нашем клубе, это факт. Ван, дай прикурить...

– Подколоть его решил?

– Вовсе нет. Карр первый начал.

– Если уж ты про него, что-то он не в духе, – заметил Леру.

– Есть причина. – Эллери, хмыкнув, выпустил изо рта тонкую струйку дыма.

– Что за причина?

– Наш бедный Карр попробовал на днях подкатиться к Агате и получил от ворот поворот. Тяжелый случай!

– К госпоже Агате? Ого! Какой храбрец!

– Может, со злости, а может, еще почему-то он сунулся к Орци – и тут ничего не выгорело.

– К Орци... – Ван нахмурил брови.

– Ну да. То есть нашему писателю невесело.

– Да-а, какое уж тут веселье... Под одной крышей с девочками, которые тебя послали.

– Так что, дорогой Леру, тебе придется сильно постараться, если хочешь, чтобы Карр что-то написал для журнала.

В этот момент юноши увидели направлявшуюся к ним Агату. Она остановилась возле арки, образованной ветвями черных сосен, и замахала им руками:

– Обед готов. А где По и Карр? Они разве не с вами?

Узкая тропинка начиналась от заднего двора Десятиугольного дома и вела в сосновую рощу.

Он намеревался пройти по ней, чтобы посмотреть на утесы на восточном берегу острова, но чем дальше он шел, тем уже становилась тропа. Кроме того, она все время виляла из стороны в сторону, и через каких-то пятьдесят метров он перестал ориентироваться.

В роще было сумрачно и уныло. Стебли бамбука, росшего между деревьями, цеплялись за одежду при каждом шаге. Он несколько раз спотыкался о кочки и едва устоял на ногах. Думал повернуть назад, но его охватила досада – с какой стати! Островок крошечный, и потеряться здесь невозможно.

Высокий ворот свитера, пододетого под куртку, промок от пота. Когда, казалось, терпеть это неудобство стало невозможно, тропинка наконец вывела его из рощи.

Он очутился на вершине утеса. Яркая синева моря слепила глаза. В конце тропинки лицом к морю стоял высокий человек. Это был По.

– Ты что здесь...

По обернулся на звук шагов и, увидев Карра, снова перевел взгляд на море.

– Это северная часть острова. А вот там, наверное, Кошачий остров.

Он указал пальцем на островок, торчавший из воды в нескольких десятках метров от берега. Его и островом назвать было нельзя. Скорее риф, на круглой макушке которого росло несколько низких кустиков. Формой он напоминал сжавшееся в комок, покрытое темной шерстью животное. Отсюда и название.

Поглядев на остров, Карр повел носом: «Фу-у!»

– Что с тобой? Чего ты такой кислый?

– Хм-м... Жалею, что приехал сюда. Не надо было. – Нахмурившись, он принялся жаловаться на жизнь: – Если в прошлом году здесь что-то произошло, это еще не значит, что сейчас нас ждет что-то интересное. Я думал, поездка поможет стимулировать воображение, вот и поехал. Но как представляю, что целую неделю придется видеть эти физиономии... Поневоле скиснешь.

Карр, как и Эллери, учился на третьем курсе на юриста. Он поступил в университет с первого раза, поэтому был ровесником четверокурсника По. Карр был среднего роста и средней упитанности, но из-за сутулости и короткой шеи казался ниже, чем на самом деле.

– Ты чего тут один-то?

– Да так...

По сощурил под густыми бровями и без того узкие глазки. Извлек сигарету из похожего на коробочку для лекарств портсигара, сделанного из березовой коры и висевшего у него на поясе, и сунул в рот. Потом протянул портсигар Карр-

ру.

– Сколько пачек ты привез? Так все сигареты раздашь, самому не останется... Ты же много куришь.

– Да, люблю покурить, хотя и медик.

– И только «Ларк»... Интеллигенция такие не курит, – бесцеремонно заметил Карр, однако предложенную сигарету принял. – Но все ж лучше, чем ментолки малыша Эллери...

– Послушай, Карр, я не советовал бы тебе все время собачиться с Эллери. Ничего интересного в этом нет. Что толку его задирать? Он просто посмеется над тобой, и всё.

Карр прикурил от своей зажигалки и отвернулся:

– Кто бы говорил...

Слова Карра По не задели. Он молчал, с удовольствием вдыхая дым сигареты.

Постояв немного, Карр швырнул недокуренную сигарету в море, сел на камень и достал из куртки фляжку с виски. Нетерпеливо выдернув пробку, сделал большой глоток.

– Прямо днем начинаешь?

– Не твое дело.

– Молодец! – Тон По стал жестким. – Ты бы как-то себя ограничивал. Кабы только днем, а то...

– А-а! Так ты все об *этом* переживаешь?

– Да ты пойми...

– Нечего тут понимать. Сколько уже времени прошло...

Что теперь, до самой смерти об этом думать?

Не обращая внимания на неодобрительный взгляд, кото-

рый, не сказав ни слова, бросил на него По, Карр еще раз приложился к фляжке.

– Меня не только Эллери достает. Это же необитаемый остров. Бабы что здесь делают?

– Ну да, остров необитаемый. Но у нас все-таки не игра на выживание.

– О'кей, пусть так. Но у меня нет никакого желания торчать здесь вместе с Агатой, которая только и может, что нос задирать. И еще эта Орци... Так получилось, что за последнюю пару лет у нас образовалось что-то вроде «дружной семерки». Так что громко об этом не скажешь, но это ничего не меняет – толку от этой угрюмой, совершенно никчемной девицы никакого, зато самомнение ого-го!..

– Что ты к ней придираешься?

– А-а! Вы ведь с Орци друзья детства...

По с угрюмым видом раздавил ногой окурок и посмотрел на часы, будто вспомнил о чем-то.

– Уже полвторого. Пошли обратно, а то без обеда останемся.

* * *

– Пока не сели за стол, я хотел сказать... – обратился к членам Клуба детективов Эллери, на носу которого красовались пижонистые очки в золотой оправе. – Точнее, наш будущий редактор имеет кое-что сказать.

На десятиугольном столе уже был накрыт ланч – яичница с беконом, простой салат, багеты и кофе.

– Э-э... прошу извинить, что отрываю всех от еды, но позвольте мне несколько слов... – лучезарно улыбаясь, официальным тоном начал свою речь Леру и тут же закашлялся. – На нашем новогоднем вечере мы говорили, как было бы здорово приехать в Десятиугольный дом. Тогда еще никто не думал, что это получится. Но через некоторое время выяснилось, что дядя Вана приобрел этот дом, и Ван пригласил нас сюда.

– Да никакого особого приглашения не было. Я просто сказал, что могу попросить дядю, если мы соберемся ехать сюда.

– Ну-ну! Не надо скромничать. Как мы все знаем, дядя Вана занимается торговлей недвижимостью. У него фирма в S. Он большой мастер в своем деле и планирует в скором времени превратить Цунодзиму в базу отдыха для молодежи. Так ведь, Ван?

– Не думаю, что у него такие уж широкомасштабные планы...

– Так или иначе, мы находимся здесь, можно сказать, в качестве тест-группы. Ван приплыл сюда первым рано утром, чтобы подготовиться к нашему приезду, и мы должны поблагодарить его. Спасибо тебе от всей души.

Неожиданно для всех Леру отвесил Вану глубокий поклон.

– А теперь о главном...

– Яичница стынет, и кофе тоже, – прервала его Агата.

– Я уже почти закончил. В самом деле все остынет... Прошу вас, приступайте, а я буду говорить. Э-э... За всеми, кто собрался здесь сегодня, старшие члены нашего клуба, уже окончившие университет, признали кое-какой талант и передали нам свои имена, которые мы с благодарностью приняли. Можно сказать, мы – главная пищащая сила клуба.

Со времени создания в Клубе детективов университета К** был такой обычай: члены клуба называли друг друга по псевдонимам. Десять лет назад его основатели – фанаты детективного жанра, а их тогда было немного – решили поребачиться и взяли себе имена знаменитых европейских и американских писателей. По мере роста числа членов имен стало не хватать, ведь заметных авторов не так много. Вышли из положения, введя систему «наследования имен». Выпускники, покидая университет, передавали свои имена кому-нибудь из младших по собственному выбору. Потом уже приемников стали выбирать по их вкладу в выпускаемый клубом журнал. Расположившиеся в Десятиугольном доме студенты, каждый из которых имел псевдоним, считались «мозговым центром» Клуба детективов и в силу этого часто собирались вместе по разным поводам.

– ...и начиная с сегодняшнего дня ведущие члены клуба в течение недели будут жить на этом безлюдном острове, где ничто не будет нас отвлекать. Так не станем же терять время

даром. – Леру обвел всех взглядом. – Я захватил с собой довольно много бумаги и хочу попросить вас написать за это время по одному рассказику для нашего апрельского номера.

– Ага! – воскликнула Агата. – Теперь понятно, почему только у тебя такие большие сумки. Вот что ты задумал!

– Да, это мой план. Агата... И ты, Орци... Напишите тоже что-нибудь.

Леру склонил в поклоне голову и, прижав ладони к круглым щекам, захихикал. В такой позе он очень напоминал куклу «фукусукэ»⁵, только в очках. На лицах сидевших за столом появились ядовитые усмешки.

– Все сочинения будут на одну тему – «Серийное убийство на покинутом острове». Что будешь делать с этим счастьем, Леру? – решил уколоть приятеля По.

Леру выпятил грудь.

– Скажу, что это специальная тема номера. А что? Давайте так и сделаем. Так даже лучше будет. Ведь журнал называется «Остров мертвых». Это название романа Агаты Кристи «Десять негрятят» в японском переводе.

Эллери, который смотрел на Леру, облокотившись о стол, шепнул сидевшему рядом Вану:

– Боюсь, мы недооценили нашего нового редактора.

⁵ «Фукусукэ» – традиционная японская кукла, изображающая сидящего на коленях большогоголового мужчину. В Средние века кукла являлась символом вечной молодости и богатства и до сих пор ассоциируется со счастьем и удачей.

Первый день прошел без происшествий.

Кроме просьбы Леру о рассказах для журнала, больше ничего заезжих островитян не напрягало. Они были не такие люди, чтобы ходить толпой и водить вместе хороводы, так что свободное время каждый проводил, как ему заблагорассудится.

Наступил вечер...

– Ты что, Эллери? Сам с собой в карты играешь?

Агата вышла из своей комнаты. Косынка цвета золота, которой она повязала длинные волосы, ярко выделялась на фоне монотонного наряда – белой блузки и черных кожаных лосин.

– В последнее время увлекся. Не мания, конечно, но что-то вроде этого. – Эллери вытянул из колоды карту и улыбнулся.

– Увлекся чем? Гадать, что ли, начал?

– Уж ты скажешь! Гадание нам без надобности. – Эллери ловко перетасовал карты и добавил: – Меня интересуют фокусы.

– Карточные фокусы? – Глаза Агаты на секунду округлились, но она тут же понимающе кивнула. – Вот, значит, чем ты решил заняться...

– Чем же?

– Людей дурачить – и радоваться.

– Ничего у тебя формулировочки...

– Да? – Агата вдруг рассмеялась. – Ладно, покажи мне что-нибудь. Давно фокусов не видела.

– Любительница детективов и не интересуешься фокусами? Редкий случай.

– Не то чтобы не интересуюсь... Просто случая не было. Ну, давай же.

– Уговорила. Иди сюда, садись.

Солнце садилось, в холле Десятиугольного дома сгущались сумерки. Агата села за стол, Эллери собрал карты и положил их перед собой. Потом достал из кармана пиджака еще одну колоду.

– Итак, имеем две колоды – с красной и синей «рубашкой». У каждого должна быть своя колода. Какую выбираешь?

– Синюю, – тут же прозвучал ответ Агаты.

– Хорошо. Синяя так синяя. Вот, держи.

Эллери передал ей через стол синюю колоду.

– Сначала проверь, что все честно, и перемешай карты, как тебе нравится. А я перемешаю свою колоду.

– Готово. Обыкновенные карты... Американские?

– Классические «Байцикл Райдер Бэк». Видишь, на «рубашке» картинка – ангелок на велосипеде катит? Самые популярные карты.

Эллери положил на стол тщательно перемешанную коло-

ду.

– Теперь поменяемся колодами. Ты мне – синюю, я тебе – красную... Так, поехали дальше. Возьми из колоды одну карту и запомни. Я тоже возьму карту из колоды, которую ты перемешала, и запомню.

– Любую?

– Угу. Запомнила? Теперь положи ее на колоду сверху... Так, правильно. Теперь сними один раз, как я. Верхняя и нижняя часть колоды поменялись местами. Отлично! Повтори два-три раза.

– Так, что ли?

– Ага. Молодец! Теперь еще раз меняемся колодами...

Синяя колода вернулась к Агате. Эллери посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Порядок. Что мы с тобой сделали? Из двух перемешанных колод вытянули по одной карте, запомнили их, положили обратно и снова перемешали колоды.

– Ну да.

– А теперь, Агата, достань из своей колоды карту, которую ты запомнила, и положи на стол «рубашкой» вверх. А я найду свою карту в этой колоде.

Через несколько секунд на столе лежали две карты – синяя и красная. Эллери сделал глубокий вдох и попросил Агату перевернуть карты вверх лицом.

– Ой! Как ты это сделал?! – воскликнула изумленная Агата. Обе карты были одинаковой масти и достоинства.

– Четверки червей? – Эллери удовлетворенно рассмеялся. – Ничего фокус, скажи?

* * *

Солнце село, и на десятиугольном столе зажгли древнюю керосиновую лампу. Ее привез Ван, узнав о том, что электричества в доме нет. Еще он припас много толстых свечей и разложил их в каждой комнате.

Пужинали. Шел уже восьмой час.

– Эллери, ну почему ты не скажешь, в чем секрет того фокуса? – спросила Агата, тряхнув Эллери за плечо. Она только что принесла всем кофе.

– Все равно не скажу, сколько ни проси. Раскрывать секреты не положено. Это табу. В этом отличие от детективов. Потому что человек расстраивается, узнав, как прост бывает самый необъяснимый фокус.

– Агата, тебе Эллери фокусы показывал?

– Ты тоже о них знаешь, Леру?

– Еще бы мне не знать! Он целый месяц их на мне отрабатывал, как на подопытном кролике. Пока у него не стало получаться втайне от других. Иногда он ведет себя как малое дитя.

– Леру!..

– Что ты ей показал?

– Да так... пару простеньких.

– Простенькие, значит? – У Агаты закипало раздражение. – О'кей. Рассказывай, как ты это делал.

– Я же сказал, что не расскажу. Именно потому, что фокусы совсем простые. Особенно первый. Элементарный даже для ребенка. Дело не в секрете, а в том, как показать фокус, как дезориентировать зрителя.

– Вон оно что...

– Именно. Вот, например... – Эллери протянул руку к чашке с черным кофе и сделал глоток. – Есть такой фильм, «Магия» называется, с Энтони Хопкинсом, который играет иллюзиониста. Там есть сцена, когда Хопкинс показывает почти такой же фокус одной особе, по которой когда-то сходил с ума. Но в фильме этот фокус преподносится не как обыкновенная ловкость рук, а как экстрасенсорный эксперимент. Фокусник заговаривает этой даме зубы, убеждая ее в том, что одинаковые карты могут открыться лишь у тех, у кого сердца бьются в унисон, и в результате соблазняет ее.

– Ого! Ты, случаем, не собирался и меня так же соблазнить?

– Что ты! Я бы не посмел. – Эллери показно пожал плечами; на его ярких губах мелькнула недовольная улыбка. – К сожалению, у меня не хватает смелости, чтобы попытаться обольстить королеву.

– Очень тонкое замечание.

– Спасибо. Однако... – Эллери поднял чашку с кофе, пристально посмотрел на нее и продолжил: – ... сменим те-

му. Сэйдзи Накамура, о котором мы говорили днем... По-настоящему одержимый. Вот я смотрю на эту чашку, и у меня холодок по спине пробегает.

Фасонные, темно-зеленого цвета чашки они нашли на полке в кухне среди другой кухонной утвари. Сразу бросалась в глаза их форма. Такая же, как у дома, – равносторонний десятиугольник.

– Спецзаказ. Вот эта пепельница, тарелки – все одинаковое, десятиугольное. Что ты об этом думаешь, По?

– Ничего. – По положил недокуренную сигарету в десятиугольную пепельницу. – Конечно, все это не совсем нормально, но богачи иногда любят почудить, ты же знаешь.

– Чужачество, и больше ничего? – Эллери обхватил чашку обеими руками и заглянул в нее. Несмотря на десятиугольную форму, дно у нее оказалось почти круглое. – Из-за одного только Десятиугольного дома стоило приехать на этот остров. Мне даже хочется выпить за тех, кто здесь умер.

– Дом, конечно, классный, никто не спорит, – заявила Агата, – но на самом острове вообще ничего нет. Обыкновенные сосны, и всё. Так ведь, Эллери?

– Нет, не так, – ответил за него По. – Под скалами, к западу от сгоревшей виллы, находится вырубленная в камне площадка, довольно удобная. Там есть лестница; можно спуститься к самому морю, рыбу половить...

– А удочку ты привез? Было бы здорово завтра поесть свежей рыбки! – Леру облизнулся.

– На многое не рассчитывай, – проговорил По, медленно поглаживая бороду. – Кроме того, позади дома растет сакура, несколько деревьев. Почки уже набухли, так что через пару дней появятся цветки.

– Вот здорово! Будем смотреть на сакуру и радоваться.

– Замечательно!

– Сакура, сакура... Почему, как весна, все начинают носиться с сакурой? По-моему, персик и слива цветут куда красивее.

– Эллери! Ты всегда не как все.

– Неужели? А ты знаешь, Леру, что в старину в Японии августейшие особы и знать предпочитали сакуре сливу?

– Правда?

– Правда, Орци?

Та вздрогнула от неожиданности. Затем, покраснев, еле заметно кивнула.

– Расскажи поподробнее, Орци.

– Э-э... ладно. В «Манъёсю»⁶ из растений чаще всего упоминаются веерник и слива. О каждом из них больше ста стихотворений, а о сакуре – всего сорок.

Орци вместе с Леру училась на втором курсе литературного факультета. Специализировалась на английской литературе, но здорово разбиралась и в японской классике.

⁶ «Манъёсю» – старейшая антология японской поэзии, относящаяся к VIII в. В стихотворениях, вошедших в антологию, упоминается около 150 видов различных растений.

– Ого! А я не знала, – призналась Агата. Видно было, что слова Орци произвели на нее впечатление. Для третьекурсницы факультета фармацевтики литература была terra incognita.

– Еще расскажи, а?

– М-м... ладно, – без особого энтузиазма согласилась Орци. – «Манъёсю» создавалась в период, когда была мода на все китайское. Тренд главенства континентальной культуры. Китай повлиял и на авторов «Манъёсю». Стихи о сакуре вошли в моду с «Кокин вакасю»⁷, и то там главным образом об облетающем цвете.

– «Кокин вакасю» – это Хэйан?⁸ – решил уточнить Эллери.

– Правление императора Дайго. Начало десятого века...

– Почему так много стихов об облетающей сакуре? Такое время, что ли, было, пессимистическое?

– Как сказать... Время правления императора Дайго известно как «эпоха долгой радости». Но время, когда начинает облетать сакура, совпадает с началом сезона инфекционных заболеваний. Говорят, сакура вызывает болезни, поэтому при дворе императора устраивали праздник «усмирения цветов», во время которого молились, чтобы эпидемии обо-

⁷ «Кокин вакасю» – антология японской лирической поэзии, созданная в начале X в.

⁸ «Хэйан» – период в истории Японии с 794 по 1185 г., отмеченный расцветом культуры.

шли их стороной. Так что, наверное, с этим связано...

– Понятно.

– Эй, Ван! А ты чего такой тихий? – По посмотрел на Вана, сидевшего рядом с опущенной головой. – Плохо себя чувствуешь?

– Да, что-то голова болит.

– Вид у тебя нездоровый. И температура, по-моему...

Ван покрутил шеей, расслабляя плечи, и глубоко вздохнул:

– Пожалуй, я пойду прилягу.

– Давай, конечно.

– Угу. Всем пока... – Опираясь обеими руками о крышку стола, Ван тяжело поднялся. – Можете резвиться сколько хотите. На меня шум не действует.

Пожелав всем доброй ночи, он удалился в свою комнату. Дверь за ним закрылась, и в полутемном холле на миг наступила тишина. Потом едва слышно металлически клацнул замок.

– Ну что это такое? – тихо бросил не проронивший до этого ни слова Карр, мелко подрагивая коленями; глаза его нервно округлились. – Взял и заперся! Прямо как девчонка какая-нибудь!

– Ночь сегодня светлая... – Сделав вид, что ничего не слышал, По посмотрел в десятиугольное окно в потолке.

– Да, два дня назад было полнолуние, – заметил Леру.

В ту же минуту открывшееся в окне пространство наис-

кость прочертил скользнувший по небу луч света. Он шел от маяка, установленного на мысе J.

– Смотрите! Вокруг луны венчик. Завтра будет дождь.

– Ха-ха! Ты что, суеверная, Агата?

– Ты ничего не понимаешь, Эллери. Никакое это не суеверие. Так получается, когда в воздухе собирается пар.

– По прогнозу, всю неделю будет ясно.

– Во всяком случае, я говорю про научный факт. Это тебе не сказочка про лунного зайца⁹.

– Лунный заяц... – Эллери натужно улыбнулся.

– А вы знаете легенду про человека с кувшинами, который объявился на островах Мияко?

– Да, слышали. – Круглое лицо Леру расплылось в улыбке. – Это про то, как Бог послал своего вестника к людям с двумя кувшинами – с эликсиром бессмертия и эликсиром смерти? Вестник все перепутал: эликсир бессмертия дал змее, а эликсир смерти – человеку. В наказание Бог обрек его вечно таскать на себе эти кувшины. Про это?

– Похожая легенда есть у племени готтентотов, – сказал По. – Только у них в роли посланца не человек, а заяц. Он не смог передать слова Бога Луны, тот разгневался, запустил в зайца палкой и расщепил ему губу.

– То есть везде истории похожи?

⁹ В фольклоре народов стран Восточной Азии, в том числе в Японии, популярен сюжет о зайце или кролике, живущем на Луне. Это представление возникло в результате зрительной иллюзии – конфигурация пятен на лунной поверхности может восприниматься как фигура зайца.

Долговязый Эллери откинулся на затянутую голубой тканью спинку стула, сложив руки на груди.

– Легенды о лунном зайце рассказывают во многих странах – в Китае, в Центральной Азии, в Индии...

– Даже в Индии?

– Слово «луна» на санскрите звучит как *śáśin*, у него тот же корень, что у слова *śáśa* – «заяц» или «пятно на луне».

– Вау!

По протянул руку к лежавшему на столе портсигару и снова поглядел на окно в потолке. В вырезанном десятиугольнике ночного неба плыла размытая желтая луна.

Цунодзима, Десятиугольный дом.

Слабый свет лампы отбрасывал тени собравшихся в холле молодых людей на окружавшие их со всех сторон белые стены.

Ночь неспешно вступала в свои права.

Глава 2

День первый

Большая земля

1

Тиори, которую вы убили, – моя дочь.

Такааки Каваминами, растянувшийся на разложенной посреди его тесной комнатухи постели, нахмурился.

Было одиннадцать утра. Он только что вернулся домой и нашел это письмо в почтовом ящике.

Такааки всю ночь играл в маджонг у своего приятеля. Как обычно, в затуманенной голове все еще звучал стук перемешиваемых игральных костей, но, увидев письмо, он очнулся окончательно.

– Что... что это такое?

Протирая глаза, Такааки взял в руки конверт и рассмотрел его.

Самый обыкновенный конверт из коричневой бумаги. Почтовый штемпель вчерашний – 25 марта. Отправлено из города О. Единственная особенность – все иероглифы на конверте набраны на цифровом процессоре.

Адреса отправителя не было. На оборотной стороне значилось только имя – Сэйдзи Накамура.

– Сэйдзи Накамура, – пробормотал Такааки. Это ему ни о чем не говорило. Хотя нет! Где-то он слышал эту фамилию...

Такааки сел на постели, скрестив ноги, и посмотрел на лежавший перед ним листок, извлеченный из конверта. Письмо тоже было набрано на процессоре и напечатано на хорошей бумаге.

«Тиори, которую вы убили, – моя дочь».

Имя Тиори он помнил. В письме, видимо, имелась в виду Тиори Накамура. А Сэйдзи Накамура, получается, ее отец?

Это случилось больше года назад. В январе прошлого года Клуб детективов при университете К**, членом которого был Такааки, устроил новогоднюю вечеринку. Тиори Накамура была тогда первокурсницей и моложе его на год. Сам он заканчивал третий курс и в апреле должен был перейти на четвертый¹⁰. Прошлой весной Такааки покинул Клуб детективов. Это было связано со смертью Тиори Накамуры. А случилось все после того, как вечеринка закончилась и часть ее участников решила продолжить веселье.

Все произошло в его отсутствие – Такааки ушел с вечеринки раньше по каким-то делам. Тиори страдала от хронического заболевания сердца. Причиной смерти стал сердечный приступ, спровоцированный алкогольным отравлением. Когда «Скорая помощь» привезла ее в больницу, было уже

¹⁰ Учебный год в Японии начинается в апреле.

поздно.

Такааки вместе с другими ходил на похороны.

Тиори жила в городе О у деда по материнской линии. В его доме и проходила траурная церемония. Но главного распорядителя на похоронах звали не Сэйдзи. Такааки это точно помнил. У него было какое-то другое имя, старомодное. То есть распорядителем был не отец, а дед. А отца на похоронах вроде и не было. Во всяком случае, Такааки его не видел.

Тогда почему человек, назвавшийся отцом Тиори, прислал ему это письмо? Ведь они даже никогда не виделись.

В письме этот Сэйдзи утверждал, что Тиори убили. Его дочь скоропостижно скончалась из-за того, что перебрала на вечеринке, и, наверное, у него были основания считать, что она была убита. Такааки мог это понять. Но зачем он послал это письмо сейчас, когда прошло больше года? Захотел свести счеты?

Такааки резко выпрямился.

Сэйдзи Накамура. Ага!

Он потянул правильную нить в клубке своих воспоминаний.

Такааки резко вскочил с постели, подошел к металлическому стеллажу, прислоненному к стене, и вытащил несколько папок. В них были газетные вырезки, которые он собирал из интереса.

Точно! Где-то в сентябре прошлого года...

Покопавшись немного в папках, он нашел, что искал.

Пожар на Голубой вилле на Цунодзиме. Загадочное убийство четырех человек?

Такааки уселся на пол с открытой папкой в руках и посту-
чал пальцем по набранному крупным шрифтом заголовку.

– Мне предъявляет обвинение покойник?!

* * *

– Извините, это дом господина Хигаси? Моя фамилия Ка-
ваминами, я из университета К**. Можно попросить Хад-
зимэ?

– Каваминами, говорите.

Подошедшая к телефону женщина, видимо, была матерью
Хадзимэ.

– Хадзимэ уехал сегодня утром. Вместе с друзьями из клу-
ба.

– Клуба детективов?

– Да. Сказал, что едет на необитаемый остров.

– Необитаемый остров? А как он называется?

– Э-э... Вроде Цунодзима. Недалеко от городка S.

– Цунодзима... – У Такааки перехватило дыхание, он
крепче сжал в руке трубку. – Скажите, а письмо Хадзимэ не
получал?

– Письмо?

– Да, от человека, которого зовут Сэйдзи Накамура.

– Я...

Женщина замялась, но, уловив в голосе Такааки тревогу, попросила подождать. С минуту в трубке играла органная музыка, потом снова послышался ее запинаящийся голос:

– Да, есть письмо. А что такое?

– Значит, есть?

– Ну да.

Такааки вдруг почувствовал, как его оставляют силы. Плечи опустились, он не знал, что делать.

– А-а... спасибо большое. Ничего страшного... Извините за беспокойство.

Такааки положил трубку и привалился к стене. Дом был старый – стоило посильнее опереться о стену, как она начала скрипеть. Сквозь перекосившееся окно в комнату проникало судорожное гудение стиральной машины, которая, судя по звуку, находилась на последнем издыхании.

Хигаси тоже получили письмо от Сэйдзи Накамуры.

Такааки несколько раз моргнул красными, налитыми кровью глазами.

А может, это чья-то шутка...

Он взял список адресов членов Клуба детективов и попробовал дозвониться до кое-кого из ребят, которые были с Тиори в тот злосчастный вечер. Попытка результата не принесла. Большинство из них снимали комнаты с пансионом, и он так и не смог ничего добиться.

Они уехали. На Цунодзиму, туда, где все произошло. Или

это просто совпадение?

Подумав немного, Такааки снова взял список и стал искать телефонный номер покойной Тиори Накамуры.

2

От городка S, откуда отправились на Цунодзиму члены Клуба детективов университета K**, город O отделяли полчаса езды на автобусе и еще минут сорок на электричке. По прямой расстояние между ними – каких-то сорок километров. Такааки сошел с электрички на станции Камэгава, четвертой по счету от O, и быстро зашагал по дороге, ведущей в горы.

Перед этим он позвонил в дом деда Тиори Накамуры и представился университетским другом внучки хозяина. Трубку сняла женщина, судя по голосу, средних лет – скорее всего проживавшая там домработница.

Конечно, Такааки не решился задавать интересовавшие его вопросы, что называется, в лоб. Понадобились такт и терпение, чтобы удостовериться: отцом Тиори был тот самый Сэйдзи Накамура с острова Цунодзима. Плюс к тому, ему удалось получить адрес Кодзиро Накамуры, младшего брата Сэйдзи. Такааки узнал о его существовании из газетных заметок.

Кодзиро Накамура жил в городе Бэппу, район Каннава. Он был школьным учителем и вполне мог оказаться дома –

ученики ушли на весенние каникулы.

Семья Такааки тоже была из Бэппу, хотя и уехала оттуда, и он думал, что сумеет сориентироваться. Любопытство и нетерпение его росли.

Он решил тут же навестить Кодзиро Накамуру, предварительно позвонить и предупредить о своем визите ему даже не пришлось в голову.

Каннава славится горячими источниками и является одной из точек на туристическом маршруте «Ады Бэппу». Такааки видел столбы белого пара, поднимающиеся в безоблачное небо из водосточных канав, проложенных вдоль идущих в гору улочек и выстроившихся на них домов. Слева стеной уходил вверх черный склон горы Цурумидакэ.

Миновав небольшой торговый квартал, Такааки окунулся в тишину разбегавшихся в разные стороны улочек. Его окружали многочисленные гостиницы и пансионы, виллы, сдающиеся в аренду приезжающим в городок подлечиться на горячих источниках. Адрес по телефону ему назвали точный, поэтому он нашел нужный ему дом без особого труда.

Это было симпатичное одноэтажное строение. За низкой живой изгородью уже окрашивались в весенние цвета ярко-желтый раkitник, белоснежная спирея, розовая айва.

Такааки вошел в решетчатые раздвижные ворота и прошел к дому по выложенной камнем дорожке. Сделал глубокий вдох и нажал кнопку звонка. Через некоторое время из-за двери послышался мягкий баритон:

– Кто там?

С этими словами на пороге появился человек, внешность которого плохо вязалась с обликом традиционного японского дома. На нем был коричневый кардиган, надетый на белую рубашку с отложным воротником, темно-серые фланелевые брюки и очки в роговой оправе. В небрежно зачесанных назад волосах начинала пробиваться седина.

– Извините, вы Кодзиро Накамура?

– Да, а что такое?

– М-м... моя фамилия Каваминами. Мы с Тиори в университете состояли в одном клубе... Извините, я без предупреждения.

Лицо Кодзиро с резкими, будто вырубленными чертами смягчилось.

– Вы имеете с виду Клуб детективов университета К**?* И зачем я вам понадобился?

– Сегодня я получил странное письмо...

Такааки протянул конверт. Кодзиро взял его и, взглянув на ровные иероглифы, которыми было написано имя отправителя, удивленно поднял брови. Потом посмотрел на Такааки.

– Ладно, заходите. У меня сейчас сидит друг, но он не помешает, не беспокойтесь. Я живу один, так что, как говорится, прошу извинить за скромный прием.

Хозяин провел Такааки в глубь дома, в застланное татами помещение в форме лежачей буквы L. Оно состояло из двух комнат по шесть татами каждая¹¹. Раздвижные перегородки, разделявшие эти комнаты, были убраны, и получилась одна большая, на двенадцать татами.

Передняя половина помещения использовалась как жилая комната и гостиная. На полу лежал темно-зеленый ковер, на котором стояла мягкая мебель того же цвета. Вторая половина выходила на разбитый с правой стороны дома сад и, похоже, служила кабинетом. Здесь стояли несколько книжных шкафов под самый потолок и большой письменный стол. Комнаты сверкали чистотой, трудно было поверить, что здесь живет мужчина.

– Симада! К нам гость.

Кодзиро обратился к своему другу, сидевшему в ротанговом кресле-качалке на веранде, обращенной в сад.

– Это Каваминами-кун¹² из Клуба детективной литературы при университете К**. А это мой друг – Киёси Симада.

– Детективная литература? – почти воскликнул Симада и энергично вскочил с места. Кресло качнулось, больно удари-

¹¹ Стандартный размер одного татами составляет 1,8 × 0,9 м.

¹² «Кун» – именной суффикс в японском языке, использующийся, как правило, в разговоре приятелей или при обращении старшего к младшему.

ло его по ноге, и он с негромким стоном повалился обратно.

Симада был худой, высокий и нескладный. Своим видом он напомнил Такааки богомола.

– Э-э... вообще-то я в прошлом году ушел из клуба.

– Да?

– Хм.

Симада с гримасой боли потер ногу и сказал:

– И зачем же ты пожаловал к старику Ко?

– Вот. – Кодзиро протянул Симаде письмо, которое принес Такааки. Увидев, кто отправитель, тот перестал тереть ногу и повернулся к Такааки:

– Можно прочесть?

– Пожалуйста.

– Я хочу сказать, Каваминами-кун, – проговорил Кодзиро, – что получил такое же письмо.

– Что?!

Кодзиро подошел к письменному столу, взял письмо, лежавшее на столешнице из бордовой кожи, и передал его Такааки. Тот посмотрел на конверт, перевернул. Такой же конверт, такой же штампель, шрифт. И имя отправителя – Сэйдзи Накамура.

– Можно достать?

Кодзиро молча кивнул.

Тиори убили

И всё. Хотя текст писем отличался, оба были набраны на одном и том же процессоре и напечатаны на одинаковой до-

рогой бумаге.

Такааки, не в силах оторвать взгляд от письма, будто лишился дара речи.

Таинственное письмо от мертвеца... Можно представить, что такие же письма получили все участники злополучной прошлогодней вечеринки, но чтобы письмо послали еще и Кодзиро Накамуре...

– Что все это значит?

– Понятия не имею, – отвечал Кодзиро. – Я удивлен не меньше твоего. Наверное, это чья-то дурная шутка. Мы с Симадой перед твоим приходом как раз говорили о том, что есть люди, которым делать нечего. И тут появился ты...

– Письмо не только мне прислали. Всем членам клуба.

– Ого!

– Извините, а может быть так, что ваш брат жив?

– Это совершенно невозможно. – Кодзиро категорически покачал головой. – Брат погиб прошлой осенью. Я его опознал. Это было ужасно... Не хочу об этом вспоминать.

– Извините. Тогда получается, что эти письма – действительно всего лишь злая шутка?

– Как еще объяснишь? Брата не стало полгода назад. Это несомненный факт. Я не верю в призраки.

– А что вы думаете о содержании этих писем?

– Ну... – На лице Кодзиро мелькнула тревога. – Я знаю о той беде, но мне казалось, что с Тиори произошел несчастный случай. Она – моя племянница, я ее очень любил, у ме-

ня в самом деле есть такое чувство, что ее отняли у нас, убили, но ненависти к вам у меня нет. А вот того, кто рассылает эти письма от имени брата, кто так зло шутит, я простить не могу.

– Думаешь, это просто шутка? – поинтересовался Симада.

Уверенности у Такааки не было. Он уклончиво кивнул и бросил взгляд на своего друга, который сидел в своем кресле нога на ногу, упершись локтем в колено, и почему-то смотрел на него с очень довольным видом.

– А вы знаете, – сказал Такааки, возвращая письмо Кодзиро, – что группа из Клуба детективов сейчас находится на Цунодзиме?

– Нет, – безразлично ответил Кодзиро. – После смерти брата остров и все строения перешли по наследству мне, но месяц назад я продал их одному риелтору, который живет в S. Он здорово сбил цену, но я все равно решил для себя больше туда не ездить. А что будет дальше, меня не интересует.

3

Такааки попрощался с Кодзиро, после того как тот сказал, что у него есть работа, которую надо закончить.

Перед тем как уйти, Такааки спросил о полных книгах шкафах, привлечших его внимание. Кодзиро ответил, что, кроме работы в местной школе, где преподает общественные нау-

ки, он еще занимается изучением буддизма.

– Предмет моей работы – пустота совершенной мудрости в буддизме ранней Махаяны, – смущенно пояснил он.

– Пустота совершенной мудрости? – Такааки вопросительно склонил голову набок.

– Слышал, наверное, о Сутре сердца? – спросил Симада, поднимаясь с кресла. – В ней сказано: «Форма – пустота, а пустота – форма». Вот наш уважаемый Ко-сан как раз и изучает, что такое «пустота».

Упругой походкой он подошел к Такааки и, возвращая ему письмо, которое внимательно рассматривал все это время, поинтересовался:

– Каваминами-кун, какими иероглифами пишется твоя фамилия?¹³

– «Река», как в реке Янцзы, и «юг».

– Ага! «Кава» и «минами»... Замечательное имя. Ко-сан, я тоже откланяюсь, пожалуй. Не буду тебе мешать. Пойдем вместе, Каваминами-кун.

* * *

Они вышли из дома и зашагали вниз по пустынной улице. Симада сложил руки и, подняв их кверху, потянулся. В чер-

¹³ Японские имена и фамилии могут записываться разными иероглифами, даже если произносятся одинаково, поэтому при знакомстве люди нередко спрашивают, как пишется та или иная фамилия. Каваминами переводится как «Река Юга».

ном свитере его долговязая фигура казалась еще худее.

– Конан. Здорово звучит. – Симада заложил руки за голову. Он выбрал альтернативный вариант прочтения иероглифов из фамилии Такааки¹⁴. – Почему ты бросил Клуб детективов? Атмосфера не подошла, так?

– Верно. Вы угадали.

– Я по твоему лицу понял. – Симада усмехнулся. – А интереса к детективам не потерял?

– Нет, я и сейчас их люблю.

– Я тоже. Мне они нравятся больше, чем буддистские тексты. Ну что, Конан-кун? Может, чайку где-нибудь попьем?

– Давайте, – сказал Такааки и рассмеялся.

Улица плавно спускалась вниз. Навстречу мягко задувал ветерок, наполненный весенними запахами.

– Ты интересный парень, Конан.

– Разве?

– Поехал бог знает куда из-за письма, которое запросто может оказаться чьим-то дурацким розыгрышем...

– Но это же совсем недалеко.

– Хм... Впрочем, я на твоём месте поступил бы так же. Тем более что свободного времени у меня хоть отбавляй. – Симада засунул руки в карманы черных джинсов и рассмеялся во весь рот. – А ты? Что ты думаешь? Это была неудач-

¹⁴ В свою очередь, ряд одних и тех же иероглифов (это касается большинства иероглифов китайского происхождения) могут читаться по-разному. В данном случае «кава» и «минами» могут быть прочитаны как «ко» и «нан».

ная шутка без всякого тайного умысла?

– Это Кодзиро-сан так считает, но меня это объяснение не удовлетворяет, – ответил Такааки. – Конечно, я не говорю, что письма написал призрак. Кто-то сделал это от имени умершего человека. Слишком много усилий ради простой шутки.

– То есть?

– Все письма напечатаны на процессоре. Использовать такую технику, чтобы пошутить. Это как-то...

– Может, для автора это в порядке вещей. Процессором в последнее время мало кого удивишь. У Ко-сан тоже есть. Купил в этом году и теперь жизни без него не представляет.

– Да, их все больше становится, с этим не поспоришь. Среди моих приятелей у многих уже есть. В университете в каждой аудитории стоит процессор, чтобы студенты могли пользоваться... И все же не думаю, что все на них теперь пишут письма.

– Ну, это да...

– Конечно, если письмо написано на такой машинке, догадаться, кто писал, невозможно. Но зачем скрывать почерк ради простой, пусть и злой, шутки? А текст... Вам не кажется, что письмо слишком сухое? Всего одна строчка. Если автор хотел напугать меня своим посланием, мог бы, наверное, что-то посерьезнее в него вложить. Угрозы или еще что-то... Письмо Кодзиро-сан такое же. Поэтому у меня ощущение, что за этим стоит более глубокий замысел.

– Хм. Замысел, говоришь?

Спустившись с холма, они вышли на широкую набережную. По морю, сверкавшему под лучами солнца, скользили лодки и суденышки самого разного размера.

– Заглянем туда, – указал Симада. – Неплохое местечко.

На той стороне дороги, тянувшейся вдоль набережной, стоял домик под красной крышей с флюгером. На вывеске было написано затейливыми буквами: MOTHER GOOSE¹⁵. Увидев ее, Такааки улыбнулся.

4

Когда они сели друг против друга за столиком у окна, Такааки смог как следует разглядеть человека, с которым познакомился у Кодзио.

На вид ему было за тридцать, пожалуй, уже ближе к сорока. Из-за длинных мягких волос и без того впалые щеки, казалось, ввалились еще больше. Такааки сам был худощав и довольно высок ростом, однако до Симады ему оказалось далеко. Смуглое лицо венчали крупный крючковатый нос и запавшие глаза.

Первое впечатление, которое оставлял Симада, можно было охарактеризовать одним словом – странноватый. Он

¹⁵ Матушка Гусыня (*англ.*) – фольклорный персонаж англосаксонской и французской культуры, с чьим именем в заглавии с XVII в. издавались сборники сказок, стихов и т. п.

выглядел человеком угрюмым и тяжелым, при этом его внешность плохо сочеталась с манерой держаться. Такааки, как ни странно, это несоответствие даже нравилось. Было в нем что-то близкое, знакомое.

Шел уже пятый час. Такааки вспомнил, что с утра ничего не ел, и заказал пиццу-тост с кофе.

Из широкого окна открывался вид на синее море, вдававшееся в берег огромной плавной дугой, которую окаймляло шоссе номер 10. Залив Бэппу. Выбранное Симадой заведение оказалось маленьким и уютным. Именно такое ожидаешь встретить на окраине города, где много студентов. Его владелец, похоже, был неравнодушен к «Матушке Гусыне». Судя по всему, это произведение вдохновило его на то, чтобы украсить кафе соответствующими названиями литографиями и куколками.

– Ну что, Конан-кун, продолжим наш разговор? – предложил Симада, не спеша наливая в чашку «Эрл грей» из чайника, который ему принес официант.

– О письмах?

– Конечно. О чем же еще?

– Собственно, я уже сказал все, что об этом думаю. Можно я закурю?

– Давай, не стесняйся.

– Спасибо.

Такааки закурил и зажмурился – дым попал в глаза.

– Как я уже говорил, вряд ли это просто шутка. Но если

вы спросите: «А что тогда?», ответа у меня нет. Сказать по правде, мне в голову не приходит, зачем кому-то понадобилось рассылать такие письма. Но...

– Но... что?

– Есть кое-какие соображения.

– Ну, давай же, не томи.

– Хорошо. Если взять письмо, которое получил я, и представить, какой смысл хотел вложить в него отправитель, можно выделить три момента. Первое – письмо обвиняет: «Тиори была убита». Это сказано прямо. Второе вытекает из первого: я вас ненавижу, я вам отомщу. То есть прямая угроза. Имя Сэйдзи Накамуры использовали для оглашения обвинения и угроз, потому что он больше всего подходил для этого.

– Понятно. А что же третье?

– Третье – надо попробовать посмотреть на письмо с другого угла, чтобы увидеть в нем скрытый смысл.

– Скрытый смысл?

– Ну да. Почему отправитель решил воспользоваться именем покойного, Сэйдзи Накамуры? Даже если он хотел нагнать страху, никто в наше время не воспримет такое письмо всерьез. Можете представить себе призрака за текстовым процессором? Не намекает ли автор своим посланием: обратите еще раз внимание на то, что произошло в прошлом году на Цунодзиме? Хотя, может, я слишком глубоко копаю...

– Нет, почему же? Мысль интересная.

В узких глазах Симады мелькнула усмешка, он протянул руку к чашке с чаем.

– В самом деле очень интересно. Взглянуть по-другому на происшествие на Цунодзиме? Мне кажется, для этого есть достаточно оснований. Что ты о нем знаешь, Конан-кун?

– Только то, что писали в газетах. Больше ничего.

– Тогда давай расскажу, что знаю я.

– Да, пожалуйста.

– В общих чертах тебе должно быть известно, что там случилось. Время: сентябрь прошлого года. Место: так называемая Голубая вилла на Цунодзиме. Четверо погибших: Сэйдзи Накамура, его жена Кадзуэ и двое слуг. Садовник бесследно исчез. Пожаром, начавшимся после убийства, вилла уничтожена полностью. Преступник до сих пор не найден.

– Полиция подозревала, что пропавший садовник и есть убийца, не так ли?

– Верно. Вот только убедительных доказательств не имеется. Думаю, его взяли под подозрение лишь потому, что он пропал. А теперь кое-какие детали...

Симада понизил голос.

– Прежде всего следует рассказать немного о хозяине Голубойвиллы. Сэйдзи было сорок шесть лет, он на три года старше Ко-сана. Хоть к тому времени он уже и отошел от дел, но среди людей знающих по-прежнему считался выдающимся архитектором, можно сказать, с задатками гения.

Старший сын в состоятельной семье, родился в городе

Уса, префектура Оита. Окончив школу, самостоятельно перебрался в Токио, чтобы поступить в университет. Во время учебы на факультете архитектуры в университете Т** победил в общенациональном конкурсе и привлек к себе всеобщее внимание. По окончании университета курировавший молодое дарование профессор настоятельно рекомендовал ему остаться в аспирантуре, но в это время скоропостижно умер отец Сэйдзи, и пришлось возвращаться домой.

Отец оставил семье огромное состояние. Разделив с младшим братом наследство, Сэйдзи построил по собственному проекту виллу на Цунодзиме и половину времени стал проводить там.

Кадзуэ Накамура, в девичестве Ханабуса, знала Сэйдзи с детства, которое они вместе провели в Уса. Говорят, родители давно договорились поженить их и устроили помолвку. Свадьба состоялась примерно в то же время, когда Сэйдзи перебрался на Цунодзиму.

– И он перестал заниматься архитектурой?

– Совсем он это дело не забросил и, как говорит Косан, по-прежнему что-то делал для удовольствия. Занимался только тем, что было ему интересно, что нравилось. Исключительно необычными проектами. Клиенты с нестандартным вкусом чрезвычайно ценили его, многие приезжали к нему на остров издалека. Однако последние десять лет Сэйдзи почти не принимал заказов и крайне редко покидал свой остров.

– Оригинал, ничего не скажешь.

– Ко-сан тоже человек со странностями. Кто станет изучать буддизм просто для удовольствия? Но даже он говорит, что брат его был большим чудаком. Похоже, они не очень ладили.

Поехали дальше. В вилле на Цунодзиме жили еще слуги – муж и жена Китамура. Муж следил за домом, водил катер – средство сообщения с большой землей; жена выполняла всю работу по дому. На острове работал еще один человек – тот самый пропавший садовник. Его звали Сэйити Ёсикава, обычно он жил в Адзиму. Раз в месяц приплывал на остров и находился там несколько дней; в последний раз приехал за три дня до пожара.

Это что касается действующих лиц. Теперь – как все произошло. Всего было обнаружено четыре трупа. Они обгорели дочерна, и экспертам пришлось потрудиться. И вот к каким выводам пришла экспертиза.

Супругов Китамура убили в спальне, разбив им головы. Орудием убийства, скорее всего, послужил топор, найденный в их комнате. Еще на обоих телах обнаружили следы от веревок. Предполагаемое время смерти – после полудня девятнадцатого сентября, за день до пожара.

Кадзуэ Накамуру задушили в спальне, на ее кровати, веревкой или шнурком. У трупа отсутствовала левая кисть, она была отделена от тела уже после смерти. Ее до сих пор не нашли. Предполагаемое время смерти – семнадцатое или во-

семнадцатое сентября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.